

КИРИЛЛ ДЕНИСЕНКО

18+

ХРОНИКИ ПЕРЕВЕРНУТЫХ МИРОВ

к н и г а 1

ИЗЛОМ ДУШИ

Кирилл Денисенко

**Хроники перевернутых миров.
Излом души. Книга первая**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Денисенко К.

Хроники перевернутых миров. Излом души. Книга первая /
К. Денисенко — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-06564-2

В ваших руках начало экологической саги «Хроники перевернутых миров». Вообразите альтернативный мир будущего, к которому движется наше с вами человечество. Вы познакомитесь с плеядой персонажей, и с немыслимыми технологиями, вписавшимися тесно в быт людей. Герой, с которого начнётся ваше знакомство с книгой – это человек, который теряет ВСЁ. Вы узнаете, как искалеченный и душевно раздавленный человек, заглянув в состоянии комы за грани других миров, возвращается, и, пожизненно став инвалидом, потеряв свободу, обретает веру.

ISBN 978-5-532-06564-2

© Денисенко К., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Кирилл Денисенко

Хроники перевернутых миров.

Излом души. Книга первая

Предисловие ДИАЛОГ ДУШИ

Здравствуй, мой дорогой читатель! Мне хочется поделиться с тобой моей жизнью, преодолением трудностей, событиями, что предшествовали написанию второй книги, которую ты и держишь в руках. Не возмущайся, что я на ты, ведь по сути книга – это двери в сокровенное и таинственное писателя. Так что – будем знакомы. Будем понимать: всё, что я буду писать дальше – откровение и презентация начала цикла «Хроники Перевернутых Миров».

Помню, как в далеком 2012 году, после двух операций, связанных с делами сердечными, в связи с врожденными пороками, я, оклемавшись, продолжил мотивировать людей. Вспоминая мой прежний опыт, я начинал с мотивационно-спортивных лекций для женщин. Потом в санаториях для всех желающих говорил о спорте, здоровье и диетологии.

Возможно, молодой парень ничему не может научить. Я опишу это так: и камень на дороге, и букашка, которую вы раздавили или уберегли – всё, что вокруг вас, оно – учит. И главное – какой отклик будет внутри. К каким размышлениям вы приходите. О чём сожалеете. И о чём мечтаете. Всё это – то, из чего вы на самом деле сотканы. Ни мода, ни окружение – ничто, что внешнее, – это всё не вы. И никогда не станет вами. Никогда не наполняйте себя привязанностью к вещам или тому, что вам пытаются продать. Автомобили, ноутбуки, украшения – это внешнее, свод пустых шаблонов, навязываемых рекламой, чтобы вы якобы чувствовали себя счастливее. Это не цель и не средство для полноценной жизни. Это всё – побочный продукт отвлечения от реальных ценностей. Только то, что внутри вас, то, что дано вам самой природой – все ваши желания сберечь мир и ребёнка в себе, любящего и видящего прекрасное – вот что важно.

Примитивный пример: ребенок видит в тяжелоатлете, любом спортсмене мужество, античную красоту, дисциплину и плод трудолюбия; взрослый человек, который не смог познать искусства спорта, не обладающий здоровьем, умом и пониманием, видит в спортсмене лишь запрещенные препараты и комплексы. Так слабый человек, не работающий над собой и ищущий оправдания, успокаивает себя. Не будьте такими. Берегите в себе ребенка.

Как мотивировать себя? Просто мечтайте и, несмотря на боль и поражения, идите к своей личной мечте. Не мечте родителей или представлениям общества, кем вам следует быть, а своей личной. Это важно.

А вот и шутка:

«Продуктивен кто-то днём, а кто-то продуктивен ночью. А есть те, кто никогда не продуктивен».

О ком это? Меня слишком часто извещают, что хотят стать писателями, но не знают. Просто не знают, без «как».

По мне, если хочешь – делай. О чем писать? Что заводит – о том и пиши, что беспокоит, что радует, что не устраивает.

Лично я раньше, ребенком, видя, что мир не совсем в порядке, представляя себя героем – играл, и все мои игры выросли в сюжеты для нескольких десятков книг. Я пытаюсь восстановить всё по памяти, что-то заменяя и изменяя. Додумывая. Переписывая. И это реально тяжело. Творцы любят жаловаться. Но это просто работа, это дело жизни, то, что заводит.

Заниматься любовью тоже, возможно, для кого-то тяжело и изнурительно, но по факту – это всегда фантастически. Это грань наивысшего наслаждения. Так что – относитесь проще. Как бы сложно ни было мне создавать что-либо – это безумно приятно и легко. Это могу делать только я, и никто другой. Так что – просто делайте, но обстоятельно, без охоты на деньги, как бы ни нуждались. Создавайте, благодаря Бога, что даёт вам саму мысль и желание начать творить. Это уже Путь Жизни. Так что, хочешь писать книгу? Так значит, ты уже писатель (писательница). Как научиться? Говорить умеешь, читать умеешь? Всё, ты писатель. О чем писать? О том, что хочешь. Это важно. Вы только попытайтесь вообразить, какой будет отклик, если вы опишете свои реальные эмоции. Если они настоящие, то в определенные схожие моменты каждый человек их прочувствовал, но не записал, а столкнувшись с вашим творчеством, будет восклицать: «ДА ОН ПОНИМАЕТ МЕНЯ!»

А ещё я знаю, несмотря на все противоречия и философии, но совершенно определённо, что если бы не ГОСПОДЬ БОГ, не Его бы любовь, ничего бы я не смог написать. Он спас меня от терзавшей боли и кошмаров, ограничений и болезней, так что теперь я полностью исцелён и творю – если и, как говорил Хемингуэй, «истекая кровью», отдавая частицы жизни и сокровенные размышления, – то мне легко, и я оттачиваю мастерство и учусь.

После стресса и полученной язвы желудка десять лет назад – я тогда, в тот год, не ел продолжительное время ничего, кроме водянистой каши. Иначе были ужасные приступы рвоты; да и от каши периодически рвало будь здоров. Сейчас, годы спустя, я понимаю, что то были последствия психотравмы от слов врача, предвещавшего неминуемую смерть в течение месяца. И мгновенно после его слов я чувствовал себя больным, но не обречённым. Это было не впервой – такое слышать, что-то схожее я с детства слышал после УЗИ сердца. Но в тот раз проняло до мозга костей. Даже по прошествии времени и полностью успокоившись, я периодически испытывал спазмы желудка, тошноту... Например, я люблю отварное мясо, но организм считает иначе, и превосходная отварная говядина будет исторгнута незамедлительно. После удаления желчного пузыря и голодания наступила пора взяться за себя в психоэмоциональном плане и начать действовать. Объяснить себе, что ты здоров, и все проблемы – реакция на неразрешённые вопросы, нехватку денег и то, что ты не начал ещё путешествовать, как мечтаешь. Да я и боялся путешествовать – как же питание, как же пароварка, как всё тащить с болью в спине и как не растерять таблетки от давления, что ежедневно, после всех операций, в определённые часы я пью в поддержку сердцу. Но я сказал себе: ты отправишься в суровые условия и будешь есть то, что добудешь в лесу, в горах, в пустыне – и всё усвоится. Ведь ты оставишь болезнь позади, в том месте обитания, в том городе, который так много лет не имел ни сил, ни возможности покинуть, а когда вернёшься – целым и невредимым, – то прогонишь недуг насовсем.

Человек порой становится больше зависимым от болезни, чем она от него. Если болезнь питается от человека, тревожит его и заставляет с собой считаться – необходимо предпринимать не просто меры по лечению, но подвергнуть все свои действия, мысли, окружение и желания анализу, чтобы она не источила здоровье полностью. А человек порой и привыкает, уживается с болезнью. Даже хоть и мучается, но не желает расстаться с положением особенного и требующего – помощи, специальной поддержки. Мол, если он болен, то уже весь мир ему задолжал, и каждый человек обязан по определению жертвовать своим комфортом и считаться с его особенностями. Знакомо? Но любой недуг – ложь. Мираж, который мы делаем до боли реалистичным, стабильно шествующим неотделимо от нас. Что по определению точно – так это то, что каждый человек здоров. Я на собственном опыте, исцеляясь спустя годы (как бы громко и сказочно это ни звучало – исцеление, но так и есть), стал сталкиваться с похожими примерами. Бывший военный с повреждённым позвоночником, от которого откристилась медицина, – и он спустя годы депрессии и ожирения случайно наткнулся на системы по йоге. Пример Дикюля, взявшегося за литературу, за самообразование, творчески подошедшего

и приобретшего технические знания для создания тренажёров, чтобы лежа тренировать движимые части тела. Пример парня на западе, с тяжёлой формой ДЦП, – и всего за 11 месяцев спортивных занятий не оставившего и следа от болезни. Не волшебство ли – человеческое самообразование и воля, когда, считай, всё кричит о невозможности каких-либо изменений?

У него даже пропал спазм мышц лица. Он стал в силах приседать самостоятельно, не представляя опасности (в этом сложном, требующем сноровки и баланса упражнении) ни для себя, ни для других. Это врачи с ним сделали?

Врач – любой врач – является эдаким воплощением Морфеуса для каждого из нас. Предлагающим разнообразные пилули как способы лечения и пути вашего дальнейшего будущего. И не стоит забывать, что незачем принимать чужие правила игры, которые вам пытаются навязать. Вы также можете пойти дальше Нео и указать – как врачу, так и самим себе – на дверь. Ведь Морфеус-то на деле был, как и агент Смит, – программой... А у врачей и своих проблем хватает. Не случайно благородные семьи дворянских и королевских сословий ратовали за домашнее и всестороннее обучение своих чад с приходившими репетиторами – дабы они стали вольны и брали ответственность за своё будущее.

Укажите на дверь недугам. Не миритесь с тем, что они вам предлагают. И вы всегда в силах сами уйти от них. Всё обусловлено шириной и гибкостью вашего разума, насколько вы способны стать предприимчивы. Ваша жизнь принадлежит вам. И любой страшный вердикт может быть ошибочен. Вариантов – не два и не три. Каждое мгновение множит варианты. Вы не загнаны в угол. Вам выпал дар отразить любой натиск, и только вы формируете свою жизнь. И если что-то случается не так, как вы представляли – то уверены ли вы, что не провоцировали негативного столкновения? Важнее не оптимистичный поиск восприятия жизни, а то, как вы поступаете, терпя полный крах и попадая в реальность, противоположную ожидаемой по сценариям в вашей голове.

Время принять решение, в результате которого не плохие будут наказаны, а хорошие будут награждены.

Постройте новую реальность – где все хорошие, где все победители. Вам не нужно изобретать злодеев, чтобы стать супергероями. Мыслите шире и смелее. Постройте идеальный мир. Вообразите его – и вы будете не просто там, где нужно; вы сами – ключ, именно вы способны отворить врата в мир успеха и благоденствия. Двери, рвы, замки и засовы – они все в голове. Наслаждайтесь жизнью, но прежде перелопатьте в голове все страхи, обиды и горечи. Отпустите всё это. Никто не желает на деле вас обидеть. Все борются со страхами; и если человек находится на негативных вибрациях (низших уровнях восприятия, где начинают властвовать нецензурная речь и извращенное толкование себя, своего места в мире и других людей в нём, что в корне ошибочно и порождает вереницу неправильных действий, которые ведут к неудовлетворенности, озлобленности, зависти, гибели), – он или она – человек обижает вас или себя, исключительно стараясь найти в лице вас абстрактного злодея, а самому стать героем, что так ловко уколол в самую болевую точку. Но не вас видят, когда обижают. Это всё их (наши) проекции старых обидчиков, и неразрешённые обиды, и тревоги. Вы даже не представляете, какой предысторией могут вас наградить, и кого поверх вашего образа неосознанно вымыслить. Не сердитесь! Позвольте обиженным людям играть в игры.

У вас же – всё время. Всё, чем вы обладаете – наибольшее, о чём можно мечтать. Вы читаете – о том, что уже есть в вас. Сила и радость, наслаждение и доблесть. Не возвращайтесь к обидам, не наполняйте их смыслом и не закрепляйте в воспоминаниях. Преданные, разрушенные чувства – да, больно; но переживите и эту боль, пройдите через неё и гордитесь собой. Гордитесь, что в вас столько любви, что вы могли так сильно любить тех, кто этого не был достоин; которым многое доверили, слишком многое; и посвятили, отдали себя. Но тем лучше и для вас. Ваше – с вами. Когда вы станете преобразовывать себя – всё изменится, и придёт желанное. А сейчас сосредоточьтесь на настоящем моменте. Вы немыслимо богаты – одарены

Богом, то есть, бесценно и непрерывно награждаемы, стоит только истолковать, какая в вас душа. Загляните в себя. И определите ближайшие цели.

В быту часто забываешь о том, как способен мыслить и действовать, и, смотря на гениев науки и искусства, понимаешь – вот оно, экзистенциальное опустошение и низвержение в бездну гения; болезненное отрастание крыльев и взлёт, заряд вдохновения. Как сказал один талантливый режиссер: «Нельзя что-либо снять или рассказать, да даже нарисовать, – чего коснулся гений. Гений опустошает всё, чего коснулся. Повторить или дополнить невозможно». Гений и нас опустошает, когда мы наполнены глупостью, злостью, завистью, рефлексией. И наполняет – так, что и мысли, и действия становятся изящнее.

Впрочем, мы живем в мире, где человеческие законы неизменно цикличны. И в обществе можно начать информационную травлю любого человека, даже обладающего добрым сердцем и замечательным юмором. При желании, с помощью статуса и финансов, можно любое, самое безобидное слово, благодаря поддержке средств массовой информации, запустить в конвейер, переворачивая с ног на голову, и человеческая масса охотно станет линчевателями. Придаться можно ко всему. Но мудрый человек не видит пошлости и недоразумений, он может понять всё.

Боритесь всегда, но только с самим собой; победите себя – и всяк посторонний, чувствуя силу и мир в вашем сердце, не запятнает вас и не приблизится с плохим намерением.

Совета ничего не говорить и не делать я вам не дам. Вы уже сделали, придя в мир; и это не родители решили вас привести в мир, даже не они вас выбрали. Это вы обрекли миллионы жизней на смерть, когда мчались, будучи сперматозоидом, к той самой яйцеклетке; и это вы в утробе матери развивались из некоего инопланетного по виду существа в человеческое дитя, пришедшее в мир. Вас никто и ничто не подталкивало. Это вы решили, на каком сроке покинуть утробу матери. Это ваше эмоциональное состояние отражалось на матери. И это вы вели свои диалоги, не позволяя спать родителям, крича что-то окружающим, не понимающим, что вы пытаетесь донести.

Так что не смейте винить родителей в чём-либо. Даже если вы преданы, оставлены, уязвлены и брошены – это вы выбрали жизнь; именно вы выбрали – их. Именно сейчас прийти в Мир. Поскольку ваше решение – в противовес зла, без чувства и отчужденности, – возжечь свой свет и привнести немного тепла, сделать немного добра, стать в какой-то мере кому-то маячком, пройти Путём противоречия, дабы своей жизнью даровать всему человечеству опыт исцеления. Ведь мы знаем, что инстинкты животных, априори (до получения практического опыта) знающих, что верно, исходят из информационного пласта памяти их предков, проходивших это. Таковое информационное пространство даровано и каждому человеку, благодаря которому любое новое открытие – для следующих становится доступнее, где любое знание – даруется вне зависимости разделения в гендере, нации и взглядах. И если вы пришли в Мир одиноким и брошенным, то когда-то вы решили пойти таким путём, чтобы породить новый закон – не тот, где приумножается доброе от доброго и умное от умного, а где – путём личного ощущения, вырастая в состоянии брошенности, среди примеров алкоголиков, взяточников и воров – человек, словно в угольной шахте, несёт в себе драгоценность, которая стремится к огранке. Но мы порой, забывая всё это, ощущаем себя несчастными и брошенными – хоть немного, – чувствуя, что необходимо пробудиться, потому что именно нам суждено стать очагом любви и хранителями планеты, на которую мы предпочли прийти в Свет.

По просьбам многих читателей и чтобы ответить на их вопросы, я постарался лаконично коснуться очень важных аспектов моей жизни, в которой спорт всегда играл главенствующую роль. Рассказать, как мой фанатизм и мечты спасали меня. Это весьма сложные и интимные моменты моей жизни, но я обязан ими поделиться. Это – и победы, и поражения. Ничто так не побуждало меня развиваться, как поражения. Мечты стать профессиональным спортсменом...

Сейчас я отношусь ко всему более спокойно, понимая, что спорт – это отрасль с инструментарием, что способен либо поломать, либо улучшить твой внешний облик, но который необходимо использовать не для кабальных соревновательных достижений, а именно как средство для улучшения качества жизни. Многие чаще себя калечат, идя на поводу своих инфантильных желаний, ни капли не прислушиваясь к тому, что на деле необходимо организму. Здесь, как и во всём, необходимы расчёт и знания. Итак, вопрос-ответ – по просьбе читателей и тех, кому моя персона небезразлична:

Как давно Вы занимаетесь бодибилдингом и почему?

Думаю, я не успел раскрыть свой потенциал настолько, чтобы относить себя к этому сложнейшему ответвлению спорта, где на пьедестал ставится гармоничное развитие мускулатуры, подобно античным скульптурам. Мне ближе осознание себя как приверженца универсального подразделения бодибилдинга – фитнеса. В принципе, слово «фитнесс», как и «бизнес», особо не переводится, неся в себе фундаментальное понятие успешного, всесторонне развитого индивида – как в деловых, социальных, так и в спортивных аспектах жизни. Из-за того, что с рождения я испытывал критические проблемы со здоровьем, придя в мир с тройным сердечным пороком, я ощущаю себя «геймером» (игроком), проходящим игры на хардкорных сложностях. Я благодарен родителям за их любовь, за их борьбу, за всё тепло, что они дарят мне. С раннего детства я переживал нескончаемую немощ и боль, мой дух метался, словно запертый в теле, что постоянно обследовали, что находилось в клиниках на постоянном лечении, капельницах, таблетках, и был вынужден слушать неутешительные прогнозы врачей, которые другого бы низвергли в бездну отчаяния; но только не меня и не моих родителей. Мама с детства говорила, что я гений и стану величайшим человеком, что я – как былинный герой Илья Муромец. А я и не представлял, насколько она окажется права. Не имея возможности быть физически активным, постоянно хвоя, я обучался на дому, неимоверно много читал, и учителя хотели, чтобы я ездил на олимпиады, но я избегал больших скоплений народа. Мне повезло: мои преподаватели были моими друзьями. Среди сверстников я не мог найти друзей, они мыслили и жили иными категориями и восприятием сущего, нежели я. Скорее, это они были ограничены и теряли больше, чем я. Помню, как я мечтал стать культуристом, грезя пьедесталом «Олимпиады», где лучшие культуристы планеты сражаются за звание первого и автоматическое попадание в летопись истории спорта, подобно моему кумиру Арнольду. Поворотным моментом в моей жизни был очередной консилиум врачей, которые мне, подростку, сказали, что мне осталось жить меньше месяца. В тот момент у меня всё оборвалось. Я успел привыкнуть выслушивать подобное на обследованиях и УЗИ, слышать вздохи сожаления (хуже и не придумаешь), как же это я живу с таким сердцем. Но сейчас это прозвучало как приговор. В этот раз это говорили не моей маме, а говорили мне лично. Помню, как я пытался сказать, что я планирую соревноваться, что у меня есть мечта, но мне сказали, что я должен быть «тише воды и ниже травы» и «лежать на диване, смотреть телевизор и проводить время с семьёй». «Тише воды и ниже травы», «меньше месяца», «дней 20–30 максимум» – эти слова много лет преследовали меня. Убивали изнутри, отравляли, парализовали и пугали. Так я получил острую язву желудка, на почве стресса – моментально. Я вышел, смотрел в окно, в котором из-за крон деревьев виднелись купола часовни. Помню, как я зарыдал, а потом, развернувшись, тут же попросил родителей купить мне спортивный инвентарь. В тот же вечер мы сложили скамью для жима с регулируемым наклоном. Мама меня благословила. Она знала, что меня ничто не в силах остановить. Но всё же собрала в очередную поездку по православным местам. По возвращении из этого путешествия я ощущал себя по-иному, и незамедлительно приступил к тренировкам, которые не всегда шли гладко и удачно, но помогали познавать, насколько можно выйти за границы представлений о своих силах и возможностях. Я шёл к неизведанному и желанному миру спортивных достижений. В 2010 году, отзанимавшись усиленно 2 года, я решил высту-

пить на соревнованиях по классическому бодибилдингу. Тогда я и узнал о тёмной стороне спорта и о том, сколько не совсем правдивой информации было в изданиях братьев Вейдеров, о натуральности гигантов массы. Хотя и делали они это из благих побуждений, чтобы уберечь начинающих и помочь поверить в свои силы. В то время я готовился, абсолютно натурально питаюсь до 10 раз на дню, благо раскрученный метаболизм позволял (сейчас мне сложно поверить, что я мог так организованно и дисциплинированно питаться и тренироваться), и использовал очень много спортивного питания, что послужило поводом подкалывать меня прозвищем «любитель спортпита» и «Вейдер-младший». Но не суждено было мне подготовиться – на меня напали, проломив мне череп. Чудом я выжил. Прележав больше суток в больнице, я с трудом, не особо понимая обстановку и не владея зрением и телом, попросил кого-нибудь в палате дать мне телефон и набрать родителей; выручил добрый пожилой мужчина. Храни его Бог. Как выяснилось по приезду родных, я лежал с давлением выше 250/155. Никто не измерил мне давление за всё это время; при моём поступлении в больницу утром шла пересмена, и никто не торопился меня принимать, оставив сидеть на скамейке и бросив тряпку под ноги, на которую сочилась с меня кровь – так всё было, судя по рассказам привезших меня в больницу. У меня самого о тех моментах очень мало воспоминаний. Родители забрали меня домой. Около четырёх месяцев я не поднимался. Испытывал невероятные боли и провалы в памяти. Учился вновь ходить. Тренироваться. В то время я написал одну из глав своей книги. Периодически у меня отказывали ноги. Состояние было нестабильно, повысилась метеочувствительность. Меня уговорили сделать операцию на сердце. В Германии, изучив всю мою медицинскую историю, врачи прогнозировали мне около 12% вероятности выживания. Отец работал усиленно, оплачивая мне дорогостоящие операции за рубежом. Это даже подорвало в какой-то мере его бизнес... Но, как недавно выяснилось после изучения с отечественными хирургами моих выписок, которые немецкий кардиологический центр никак не хотел высылать, немецкие эскулапы сильно напортачили в ходе первой операции – устанавливая стент, что-то надорвали, после чего я впал в микро-кому. Вспомнились слова из глубины детства – паломничество и напутствия монаха, говорившего, что не следует в моём случае делать операцию, иначе могу погибнуть. Погиб бы, если б не молитвы родных людей. Я не буду говорить, насколько был сложным и долгим реабилитационный период, когда ты даже вдохнуть не можешь полным объёмом грудной клетки – любое движение доставляло боль, сопровождаемую аритмией и ужасным самочувствием, которые я купировал медикаментами. Но я рад всему, что со мной произошло. Я всегда просил у Всевышнего сил и мудрости, и Он ломал меня, лишал надежд и разбивал мечты, сжигал, чтобы я, подобно Фениксу, восставал на шаг ближе к желаемому образу. Я рад, что мои наработки схем тренировок легли в программу, которая победила в Московском конкурсе инноваций и получила грант на развитие реабилитационного центра для детей с ограниченными возможностями. Я создал перечень правил по ЛФК-тренировкам, гимнастике и добавил в программу актёрские практики, помогающие снять зажимы и делающими детей намного более адаптируемыми в социуме. Безусловно, у меня недостаточно опыта, и моя программа проходит корректировку и одобрение медиками и сотрудниками этого центра.

С таким огромным багажом всего пережитого, меня в качестве лектора приглашают проводить мастер-классы и делиться своим жизненным опытом. Но всё это – далёкое прошлое. Я много раз бросал тренировки. И порой не верил, что мог быть столь оптимистичным и столь ярким приверженцем спортивного образа жизни. Бросал на очень продолжительное время и писательство, и спорт, борясь за выживание, заработок и учёбу. Но это сильно аукалось, «КПД» жизни снижался, болезни возвращались, состояние усугублялось, и уже не из-за любви и преданности, а по необходимости, чтобы полноценно себя чувствовать, приходилось выкраивать в работе окошки хотя бы для поддерживающих тренировок. Надеюсь начать полноценно тренироваться, как и прежде, и выглядеть соответственно.

Тогда же началась подготовка благотворительного фестиваля для детей из детского дома?

То, что этот фестиваль воплощён в жизнь, безусловно, такое же волшебство, как и то, что я жив. Человечество настолько отклонилось от правильных путей, сосредоточившись на технологическом развитии и разработке ненужных гаджетов вместо развития духовных качеств, делающих человека чем-то большим, чем просто набор белков, избравший стезю бессмысленного потребительства и навязанных ценностей, утопающий в бездуховности и хайпящий на аморальности социума. Немыслимое чудо – когда есть те, кто готовы говорить и слушать, ценить проявления подлинного искусства, – будь это спорт, пение, живопись или банальное созерцание природы. Все мы – отчасти демиурги по своей сути. Просто настолько погрязли в безверии, что боги нас оставили, и мы стали жить в мире без Часовщика. Я хочу пробудить светлое и вечное своими фестивалями. Я очень давно их не делал, и порой удивляюсь, что совершенно разучился быть счастливым. Необходимость заработка и постоянная загруженность и усталость удушает в тебе человека... Я недавно просматривал записи и удивлялся: неужели я говорю о мотивации и счастье, и когда жизнь стала настолько сложной? Мне говорили – спасибо за мои фестивали, за то, что сам разработал их формат. А результаты в том, что всеми стараниями получилось детям указать цель: чтобы они не прекращали быть собой, теми, кто верит, кто готов разгадать все тайны мироздания и стать тем, кем пожелает. Взрослые из-за несбывшихся мечтаний теряют это, черствуют и, подобно гною, копят в себе обиды на весь мир. Я очень хочу общения, очень хочу приносить грандиозные и счастливые события в жизни людей. К сожалению, борясь за творческую реализацию, ты отбрасываешься далеко от ответственности, от принятия людьми и стандартных заработков, которые человек с моим образованием мог бы иметь. Мне необходимы аскетизм, уединённость, постижение Мира. И так вышло, что в моей профессии все исчезновения, как бы кратковременны они ни были, создают огромную пропасть, и ты исчезаешь из масс-медиа... Даже так: тебя словно никогда и не существовало. И ты начинаешь каждый раз дальше, чем просто с нуля... Но истина – она такая простая.

Если в тебе преобладает зло – нереально, сталкиваясь с грубостью и предательством, продолжать нести в Мир веру в идеал совершенного человечества. Являясь и идейным создателем фестивалей «Доброе Сердце» и «Возрождение Нации», и их спонсором, организатором, координатором и ведущим, я прохожу круги ада, вынося невежество и ненадёжность приглашённых на мероприятие участников. Моя задача – аккумулировать в себе веру в то, что я делаю, в то, насколько это важно для детей, которые это увидят. Как заметила горячо мною уважаемая Елена Михайловна Коробская, директор детского дома «Надежда» в селе Балаховском: «Наше дело стало похоже на церковное служение, где всё делаешь во благо других, не желая себе ничего взамен».

Я уверен, что все ребята и девочки, что были зрителями и участниками фестивалей, станут величайшими людьми. Я хочу в это верить, обязан в это верить, несмотря на их юный возраст. Их поступки, их горящие осмысленные глаза, улыбки и радость на лицах доказали, что всем нам следует равняться на них, преодолевать все невзгоды и удары жизни, стремящейся нокаутировать, и доказывать, что **тмь способен победить и один огонёк, явив настоящий рассвет.**

Сколько времени и денег нужно, чтобы добиться такой формы, как у бодибилдеров?

Достижение формы не обусловлено чисто временным отрезком. Играет роль множество факторов – от финансовых возможностей до интеллектуальных, где необходимо определить правильный тренировочный подход для вашего соматипа, учесть всё, дабы максимально реализовать ваш генетический потенциал. В любой дисциплине имеются свои нормативы. Бодибилдинг разделён, помимо ростовых и весовых категорий, и на множество иных дисциплин.

Нужно трезво оценивать уровень тренированности человека и то, к чему можно его привести. Нельзя без вреда для организма стать сильным, выносливым и большим ни за месяц, ни за три. Все предпочитают «садиться» на двух- или двенадцатинедельные диеты и убивать свой организм, получать откаты и пробовать вновь, и снова разочароваться вместо того, чтобы рассчитать план на год своего преображения. Внешних изменений не случится без внутренних. Правильная корректировка питания и добавление силовых и кардиотренировок приведёт к естественной перестройке гормонального фона, работы внутренних органов и сердечно-сосудистой системы, за которыми последуют и внешние позитивные изменения. Организм стремится к саморегуляции, и тренировки создают положительный стресс, направленный на поддержание динамического равновесия ваших изменений. Профессиональный спорт требует колоссальных денежных вложений. Кроме препаратов, спортивного питания, натуральных продуктов, обследований и как минимум еженедельной сдачи всех анализов, плюсуите перелёты на турниры, взносы за участие, расселение, проезды. Как таковых в России нет профессиональных турниров по бодибилдингу, в которых можно было бы соревноваться по полной, не только с соотечественниками; они проводятся в большей мере в США. У нас и в целом со спортом в пост-советском пространстве всё держалось на личной инициативе, а теперь наступил мощнейший делёж и разлад федераций... и кумовство.

Но после тяжелой травмы головы занятия вы не бросили?

Спорт для меня подобен дыханию жизни. Я убедился, что я не в инвалидном кресле только благодаря физическим нагрузкам, которым подвергается мое тело в порядке тренировочной сессии. Во время недавнего своего фестиваля, чтобы его провести, я сбежал с больничной койки после перенесённой операции – лапароскопического удаления желчного пузыря. Моё состояние усугубилось тем, что из-за мощных (на тот момент) брюшных мышц хирургическая игла обломилась, и пришлось разрезать скальпелем мышцы брюшного пресса, чтобы извлечь её. Я должен был лежать в палате интенсивной терапии; интересно было бы видеть лица врачей, не обнаруживших меня через день после операции. Я вёл мероприятие, подготовке которого предшествовало очень много непредвиденных неприятностей со стороны лиц, что должны были приехать; так что я вёл его с перевязанным торсом. Рана с дренажем кровоточила, и проколы доставляли неописуемую боль, но я улыбался и шутил, не подавая виду, о своих мучениях. Главное – со мной была моя будущая, на тот момент, жена, ставшая для меня кислородом. Я думаю, когда-нибудь выяснится, что она – принцесса, прилетевшая с далёких планет... А насчет травм и спорта – не забываем, что я попадал и в автомобильные аварии, где сильно повреждался: обломки стекла усеивали спину и суставы, разодрав всю одежду... Так что есть травмы, которым не позволил, слава Богу, стать препятствиями, превратив в лёгкие ограничения. **Если есть за что бороться – нет такого предела, что способен тебя опрокинуть.** Конечно, на всё воля Божья. Мы можем надеяться на лучшее. Считаю своим главным поражением то, как я не смог подготовиться к турниру. Был тяжелый год. Смерть унесла родителей моего папы, моих бабушку и деда, – я попал в стрессовом состоянии в больницу на фоне безуглеводной диеты. Из-за всех этих факторов, несмотря на все усилия, поскольку я отношусь ко всему сверхэмоционально, форма таяла на глазах. Я не мог влиять на то, что со мной происходило. А затем смерть замечательных двух бодибилдеров, с которыми я общался и следил за их видеоблогами. Всё это вынесло меня в психоэмоциональном плане. Я столько много делал, чтобы выступить: уволился с работы, чтобы тренироваться дважды в день и есть по расписанию. Не прислушивался к своему организму, кричащему «остановись», подчинял его воле. Держал жесточайшую белковую диету, что и послужила причиной образования камней в желчном и почке. Несмотря на боли, не отступал. Было высчитано всё. Мне с подготовкой помогали двое выступающих спортсменов, с которыми я консультировался. Но смерти... Как известно, об этом не говорят: спортсмены на обезвоживании и «сушке» умирают часто,

не доходя и до взвешивания. Конечно, многие и до глубокой старости могут держаться в таком режиме, выступая и будучи ветеранами. Но я осознал, это не мой путь. Я прекратил подготовку.

Приём препаратов тоже, наверное, сказывается?

Мне всегда интересно, как смотрят дети на бодибилдеров – с уважением и восхищением, – ибо они уверены, что и они станут не менее внушительными в будущем. Человек – обычный человек, – идя по улице со спортивным представителем, ощущает, что тот и молча, ничего не делая, одним своим станом превосходит его. Все хотят быть как супергерои. Если скажут нет – они лгут. Предложите возможность трансформации по щелчку пальца, и выстроится толпа желающих. Но не существует волшебной пилюли. Любое достижение – результат тяжкого многолетнего ежедневного стабильного труда. Вот тут-то начинаются самооправдание и осуждение тех, кто в чём-то более выдающийся, чем ты. Мы видим бодибилдера с немислимой гипертрофией скелетных мышц и объясняем это результатом того, что он наверняка напичкан стимуляторами. Но препараты принимают во всех видах спорта – от футбола до единоборств. Причем футбол находится на одном из первых мест, дальше идут бегуны на марафонские дистанции, и только где-то на седьмом месте находится бодибилдинг. Скажем, профессиональный футболист, если бы не использовал гормональную терапию, не смог бы больше года выступать в высшей лиге. Он был бы инвалидом. С одной стороны, фармакологические препараты, будучи изначально разработками, служащими сугубо для медицинских целей, помогают быстро восстанавливаться, оставаться максимально здоровыми и продуктивными, с другой – убивают организм, перегружая все эндокринные, секреторные функции организма, становясь для одних зловещим роком, а для других фонтаном вечной молодости. Незнание и небрежное отношение превращает гормональную игру в подобие рулетки. Когда человек бросает тренировки, организм, повинувшись правилам гомеостаза, больше не испытывая преданных стрессов, понимает – незачем приобретать адаптивные качества и испытывать посттренировочную гиперкомпенсацию и приходит в изначальное состояние. Вы же не говорите бегуну, прекратившему пробежки и растерявшему былую выносливость, что и его феноменальные рекорды на стометровке были «косметическими». Это же просто смешно – так мыслить. Всё приходит в изначальное состояние. Так же, как и бытие познав, вновь познаём небытие. Или новое рождение...

Как же тогда возможно добиваться честных результатов?

Вспомнился фрагмент из моей первой книги «И.Н.Ф.Е.Р.Н.О. Ад начинается на земле», где детектив приходит к шефу полиции с вопросами о том, где же справедливость. И в ответ, встречая шквал гнева, слышит, что ни о какой справедливости и речи не может быть, что мир абсолютно несправедлив. Им не нужна справедливость. Они добиваются порядка, а он никак не может достигаться справедливыми мерами для граждан. Так же изначально и с историей спорта, с Древнего Рима, где участники спортивных игр употребляли отвары и поедали засушенные тестикулы быков в надежде повысить свой спортивный максимум. В то время проигрыш если и не являлся смертоносным, то ниспровергал в позор презрения, наверняка. Изначально **человек с самого рождения стремится прыгнуть выше головы, научиться летать, погружаться на морские глубины и развивать скорость, что недостижима и зверям.** Естественное желание быть лучше, быть другим, нежели чем ты был рождён, толкает человека на эксперименты. Одни от природы одарены физической мощью и интеллектом, кто-то болен, кто-то недоразвит, а кто-то всю жизнь стремится стать сильнейшим и умнейшим. Если посмотреть на список запрещённых веществ, то и за пару-тройку чашек кофе вас исключат из соревнований. Выходит, все рядовые граждане по утрам закидываются допингом? И не стоят вашего рукопожатия? **Вы можете, положив руку на сердце, определить, где та грань и тропа, которая позорна, и та, которая выложена жёлтым кирпичом, ведя к дости-**

жению честных побед? Возьмём плавание, утрировав, конечно. Один человек с ростом 160 сантиметров, другой – 180 сантиметров. Понятно, что размах рук больше у того, кто выше. У одного ласты – 35 сантиметров, у другого – 42 сантиметра. Понятно, что ему тоже будет полегче. Профессиональный спорт – несмотря на всю свою противоречивость, где вам говорят одно, а заставляют спортсменов делать другое, и неугодных обвиняют, вплоть до «уличения» в принятии сиропа от кашля, – **существует и держится только на чистых мечтах и порывах людей, верящих, что величину нет предела, что каждый мальчишка и девчонка, что начинают свой путь, установят новые рекорды, увенчав славой свою страну.** Только сохранившие свои детские мечты могут достигать немыслимых высот, не боясь всех условностей и запретов. Ими движет надежда, что когда-нибудь мы все сможем дотянуться до звёзд.

Я считаю, это самая важная часть нашего «Диалога Души».

Актуальность искусства, я уверен, не в отображении реалий мира, что здесь и сейчас, а в том, как ты делишься тем, что у тебя происходит в душе.

«Задача творца не снизойти до толпы, а протянуть руку и помочь воспарить вместе», – что-то такое слышал; не помню, кто сказал. Перефразировал так, как это вижу.

Мне очень больно от того, что я не успел дописать книгу и прочесть моей бабушке Клавдии, которая была матерью моей мамы, была моей второй мамой. Бабушка, с которой было родство, которое не описать; она научила меня мыслить, задавать вопросы, любить готовить, креститься, молиться, уважать людей, не материться, быть аккуратным, быть учёным человеком, готовым прийти на помощь. То, как insult сразил её – ни один человек не заслуживает такой кары. Видеть, как она увядает, путается, как повреждённая лимбическая система превращает её в «Алису в Зазеркалье» и путешественницу во времени.... То, что она по-прежнему ласковая и светится добром, и то, как она ищет свою маму, и как у тебя с трудом срывается с языка, что её матушка давно мертва, что её мамы нет среди нас в этом мире. Невозможно сказать – нет в живых. Человеку страшно и вообразить такое. Нет в живых. Такого невозможно допустить. Мы мыслим, мечтаем, горюем и радуемся, но мы непрестанно мыслим, и мы всегда живы. Жизнь – это то, что мы и есть. Не бывает забвения, не бывает небытия. Мы – живы, и всегда таковыми будем, даже если и память о нас сотрётся из умов людей. Мы продолжаем жить не только в творчестве, в плодах рук наших, в архитектуре, живописи, уложенной дороге, написанных песнях, зачатых детях. В этом память о нас, но не мы сами. Мы должны продолжать жить в любом случае... Я не могу выразить, насколько страшно то, что случилось с бабушкой, тот лабиринт и путаница, что происходила с ней... Благо она узнавала меня... Я её очень люблю. Я изредка кормлю голубей и прошу их передать весточку за рабу божью Клавдию. Люди очень боятся слова «раб», которое используется в терминологии православной веры, не понимая, что здесь кроется понимание раба как работника Бога, а лучше и точнее будет – исполнителя Бога. Понимаете? Это не Богу нужны служения и почитания, Он самодостаточен. Всё это требуется человеку – дабы иметь точный компас, понимать, и приобрести интуицию свыше. Познать, каково это – быть Творцом. Моя книга, всё, что я пишу – это размышления, творчество ради того, чтобы... выплеснуть боль и радость. Я некогда считал – творчество ради творчества. Но – нет. Я так мало и долго пишу. Бросаю... Взявшись и перечитывая в минуты отчаяния, неверия и крушения всего – не понимаю, как во мне было столько слов, которые могут вдохнуть уверенность и направить... Я создаю, не помышляя о правилах или о том, как это прочтут; я создаю жизнь. Это то, что делает меня счастливым.

Я искал ответа, как люди переживают войну, переживают концлагеря и присутствие на земле под сотню лет – и сохранили в себе столько жизни, любви и невероятной фантастической жизнерадостности. После смерти бабушки... и того, какой я её застал – ужас, бездна

воплощения человеческого страдания, искажённое болью лицо, будто обезобразившая метка, поставленная самой смертью. Комок боли. Задыхающуюся, с закрытыми глазами, и немолчную. Она ждала меня. Я месяц назад говорил, что приеду. И вот я приехал позже, чем обещал. Намного позже... Приехал отец и забрал в ночь. У неё спустя полгода случился повторный инсульт. Я говорил с ней, лежащей, и она, начиная биться в ужасающих конвульсиях, сжимала руку и открывала рыскающий глаз. Я говорил с Богом. Просил Его святых, дабы сопроводили бабушку в мир счастья и света. И они слышали. Если бы я приехал на неделю раньше... Я мог бы её обнять, увидеть её улыбку, ощутить ладонь на голове...

Моя реакция на состояние и вид бабушки – в памяти столь доброй, светлой, ласковой, прекрасной – чуть было не лишила меня жизни...

Помню, как, задыхаясь от слёз, я набрал мою девушку, выбежав из комнаты, а она успокоила меня, что бабушка сейчас в состоянии наподобие комы – это как защита мозга от боли. Больнее – нам всем, но не ей... Но что-то во мне холодеет от мысли, что она всё ощущала, всю свою агонию, отобразившуюся на лице... Страшно, если это так.

Я вернулся и смотрел на бабушку, и, потрясённый, видел перед собой её столь маленькую, с опавшими губами, закрытыми глазами; пересыхавшими от частого дыхания ртом и языком, требовавшими постоянно их смачивать. Мне стало так страшно, безумно страшно. Я решил – после всех врачебных слов, что она ничего не чувствует, – я решил, смотря с ужасом, что ей больно, она хочет кричать, но не может. На мой голос приоткрывает левый глаз и через силу вращает им, сотрясается в конвульсиях. Господи, как же это страшно. Я было разуверился в Боге – всё это страдание казалось таким бессмысленным и жутким... Я разуверился...

Я переставал в Него верить даже и в спокойные моменты жизни, прекращал верить и после того, как в жизни были явлены чудеса мироточения икон – в моей комнате мироточили все иконы, и аромат был прекрасен и лёгок, неопишуем... И множество других свидетельств. А перед произошедшим с бабушкой, за неделю до этого, упала икона Николая Чудотворца, расколовшись на две части. Эту икону 12 века ни родители бабушки, ни она сама, несмотря на нищету, даже в музей Кремля не продали за немыслимые деньги, как их ни просили, желая заполучить такой экземпляр. Хранили реликвией, и чтили изображённого Святого.

Передо мной был человек, который проявлял столько любви, заботы, душевности. Дарил веру, открывал веру в ином ключе, в высшем религиозном восприятии, окрылял и...

И... Вот она сейчас, в таком состоянии... Вот, я помню, мы пекли пироги вместе... Как она готовила кашу... Как что-то мне не нравилось... Как каждое мгновение её жизни было направлено на заботу и любовь. Она стала такой бабушкой, которая окружала заботой, любовью – столь тепло и щедро... Как она ночами молилась, очень много молилась.

Я вспоминал, как неделю назад говорил с ней по телефону, расстроенный чем-то, и из всей беседы было настоящим светом то, как она говорила, рассказывала: несмотря на то, с какими сложностями я родился, и как меня в роддоме чужие люди называли язвительно страшным, говоря это маме; но моя мама, что меня несла, смотрела мне в глаза с такой любовью, держала так бережно, словно я некое сокровище, самое драгоценное в мире и во Вселенной...

Бабушка умерла у меня на руках, в тот же вечер, как я приехал. Все поняли, что она мучилась, ожидая меня – увидеть напоследок. А я уверен, всё случилось, хоть и горько – но именно так, что бабушка ушла, даря мне совет и знание сакрального понимания жизни и смерти, помогая приблизиться к Богу ближе, чем я когда-либо был. Хотя все мы знаем, насколько наши эмоции и состояние переменчивы. Душа, как врата, захлопывается и открывается; разум может забыть всё то, что видел понятным, и не знать, как действовать. Вся наша жизнь должна быть соткана не из ожидания, а из пребывания в настоящем. Как мне сказал давно монах, чтобы я донёс до людей, – что Царствие Небесное не где-то там, за гранями жизни, в него необходимо войти при жизни, это состояние ума и души.

Настало новое время. Жизни. Радости. Чтобы сказать себе: «Я счастлив», – не обязательно быть счастливым человеком. Постоянно радующиеся люди пугают. Нормально – нести в себе все грани эмоций, настроений, сомнения и уверенности. Я рад, понимая, что в моих силах, как и каждого человека, сделать этот Мир лучшим из Миров. Он – то, что у нас есть. И мы не имеем права выстраивать стены друг перед другом.

А бабушка в великом путешествии одесную Света.

Я не пошёл на похороны. Спустя время жалел – временно, конечно, – об этом. Но на тот момент я испытывал спокойствие и понимание, что сделал всё верно. Да, встреча с чужими людьми не была бы правильной. Она разрывала бы состояние духовной связи, что снизошло на меня спокойствием и необъяснимой радостью. Тем более, мне уже довелось держать остывающую руку бабушки в своих, и я хочу сохранить её живой образ. Благо, я много снимал её на видеокамеру, когда мы с моей супругой приехали на всё лето ухаживать за бабушкой в деревне.

...Никогда не выслушивайте соболезнования. Никогда не приходите с болью.

И я знаю, я уверен: бабушка в невероятном новом Пути, либо пред ликом ангелов и Бога прямо сейчас. Она улыбается и счастлива.

Часто в христианском мире рисуют ад, который частично на земле; но, сколь бы ни были вечными муки в аду, Господь никогда бы не сделал их – БЕЗКОНЕЧНЫМИ. Страданий нет. И никогда не было. Мы, люди, часто совершаем однотипно повторяющееся движение, превращаясь словно в заключенных в круг хомячков. Время пересоздавать себя и переписывать свою историю, что изменится столько раз, сколько изменитесь вы.

Судьбы людей сковывают обязательства перед прошлым. Не важно, насколько вы чисты и нежны душой, сколько в вас любви и порывов раскрыть тайны мира, объездить и облететь весь земной шар; как бы сильно ни распространилось желание покорить Вселенную вне пределов нашей планеты, пылинкой движущейся по окраине галактики – иные звёздные системы, – вы всё же пленники. Пленники прошлого, создавшего сильных мира сего, хоть их остовы осыпались прахом и совершают своё путешествие, несомые ветрами, – идеи никогда не станут погребены. Их мысли, догадки, теории, видения и законы – рубцы на линиях вашей судьбы. Всё то, как людям мешали любить, противились свободе, сковывая религиями и атеистическими учениями, взрастило нас. Все Папы, Короли, Фрейды, Дарвины, Ошо, Ганди – сковали вас. Пуритане тысячелетиями изрыгали в души людей нетерпимость к своей природе, насаждая комплексы к своей анатомии и естеству. Другие, напротив, сеяли разнузданность... Любовь людей отсекали, оставляли единые призывы патриотизма и готовности убивать... за Родину, что на деле – расчерченный кусок вашей планеты. Не становитесь вишенками на чужом торте.

Любовь, её понятие – разбавили и превратили в нечто банальное и плоское, лишённое зрелости, вызвав в общественности за тысячелетия неприятие. Истинную любовь превратили в механизм патриотизма и конвейер зачатия, в единственный принцип передачи генетического материала. Но любовь не терпит ярлыков и шаблонов, осуждений! Любовь не поддаётся стандартам, она свободна и непостоянна, как и счастье. Мы обязаны наслаждаться возможностью любить – любить так, чтоб меркло всё в сем страстном пламени... Ни один мудрец не имеет права вещать, что и как, кто и что должен. Любовь рождается не из логики, а в противоречие всему, она необъяснима, и её не преподашь... Любовь возможно только прочувствовать. Прочувствовать, пока она не покинула, как жизнь. Её обличьам не дать счёт; любовь – это не просто принципы и ласка, что пытаются нам навязать, любовь существует вне этого, вне всех рамок. Любовь и есть счастье. Многие не осознают иллюзию, суррогат, которым живут... Истинная любовь – не суррогат, не наука, она... Прикосновение Бога. Разговор Творца изнутри с вами. Любовь – это космос, который требует заполнения вами. Она увядает и умирает, порой не успев распуститься и родиться. Любовь столь мимолётна, что мы и не замечаем, как упускаем

её. Любовь – свобода двух душ: без времени, домыслов и осуждений. Любовь – всепроникающее всепонимание и величайший дар Богов.

Таким образом, создавая **«Берсерка»**, я формировал его с 2008 года, и около трёх лет назад, поделившись в Питере с друзьями из кинобизнеса, принялся за создание сценария, заморозив временно написание продолжения **«И.Н.Ф.Е.Р.Н.О.»**. Впоследствии, за работой, видя, что всё выстраивается в циклы романов, над которыми я работаю с 12 лет, я стал требовать от себя писать быстрее, вдохновляясь «плодовитостью» Стивена Кинга, и затем, понимая, что **«Берсерк»** перерастает в трилогию, а затем и квадрологию, будучи всё же и связан со вселенной **«И.Н.Ф.Е.Р.Н.О.»**, как бы это ни было удивительно на первый взгляд. Треть и концовка второй книги **«Берсерка»** уже написаны, черновые отрывки третьей и четвертой планируемых книг продолжают. Помимо этого, работаю над другими пятью книгами. И, конечно же, **«И.Н.Ф.Е.Р.Н.О.»** просто так нельзя писать, он требует всецелостного трансцендентального глубинного погружения и вдохновения, всепонимания сути вещей, которое порой нисходит.

Конечно, впоследствии цикл **«Берсерка»** стал для меня циклом **«Хроник Перевернутых Миров»**. Тем не менее, каждую из книг я называю **«Берсерками»**, но таковой станет завершающая.

Развивая мастерство и становясь недовольным прежними стилем и образом выражения мыслей, я переписывал первоначальные труды юности, обраставшие полнотой сюжета, деталями и большей жизненностью героев. Например, если изначально такой герой как Петрович – в книге, во всех черновиках, присутствовал в виде дворника, радующегося алкоголизму, и почти не имел диалогов, то постепенно он стал полноценным героем книги, похожим на дитя от Дэвида Боуи и Ричарда Брэнсона с таинственным прошлым. Если б, конечно, мужчины биологически могли создавать детей. Тем не менее, так и вижу, чтоб его роль исполнил Константин Хабенский, став эдаким эксцентричным альбиносом.

Постепенно книга преобразилась в альтернативную реальность, будучи в большей мере продолжением нашего мира, обнулившего летоисчисление.

Я старался писать **«Излом души»** намного проще, нежели чем **«И.Н.Ф.Е.Р.Н.О. Ад начинается на земле»**, не поднимать религиозных тематик, но всё же философские и идеологические перипетии коснутся героев книги; они не могли не коснуться. Любой человек в сложных жизненных обстоятельствах с особым рвением ищет смысл происходящего в его жизни и того, к чему всё это ведётся.

Меня иногда уверяют, что я пишу об очень сложных религиозных вещах. Но я никогда не пишу, собственно, о религиях. Мои Миры, с которыми я вас знакоблю, я старюсь никак не связывать с нашим. И главное – я пишу о людях, а в их жизни есть всё, и я вынужден поднимать и их взгляды, их споры, их мысли; и их взгляды – они не мои. Все диалоги происходят из глубокого изучения вымышленных персонажей и их раскрытия. То, что они созданы мной – вдохновением, снами и воображением, глубинным психологическим анализом, – и то, что я пишу столь душевные диалоги/монологи, чаще всего я могу быть не согласен ни с одним из них. Но в таком противоречии и противопоставлении и состоит мой интерес создавать их живыми и независимо меня существующими. И коль много я могу наполнить их своими душевными терзаниями, страхами и радостями, стремлением к гибели или спасению – они абсолютно самодостаточны и автономны от меня. Их взгляды, отличные от моих и гипертрофированные – всё это путь к тому, чтобы яснее видеть их и понимать, представлять, как именно с таким образом мышления они будут взаимодействовать в обществе и искать решения, выпутываться из непредвиденных сложных ситуаций. Так что, при всей моей аполитичности, герои могут придерживаться определённых политических воззрений, и никоим образом нельзя проводить поиски общих параллелей с писателем. Моя задача всегда – не вызвать скандал, а сделаться

самому лучше, обрести большее мастерство. Но это вторично, а первично – настроить диалог с читателем и помочь ему стать добрее, терпимее, умнее; возжечь в себе звезду того ребёнка, которым мы являемся, пока не утратим веру в прекрасное.

Я переработал, дописал книгу – всю первую часть, – переписав почти полностью ключевых персонажей и добавив даже новых, и написав более половины продолжения **«И.Н.Ф.Е.Р.Н.О.»**, что долго шло с названием **«Боль оставленных Богом»**. Затем, будто пробудившись, я осознал, что Создатель, будучи совершенным, никогда не оставит никого, это чаще мы отходим. С того момента название изменилось на **«Боль оставивших Бога»**. Небольшая коррективка – а насколько кардинально изменение полярностей смысла! В итоге я решил, что эта книга будет третьей, и раньше увидит свет **«И.Н.Ф.Е.Р.Н.О. Трансцендентность Творца»** (так это будет квадрология, так же как и **«Хроники Перевернутых Миров»**). И да – почему именно берсерк и кто такой Ульфхеднар, я собирался открыть во второй книге, но тоже сделал рокировку, и это случится в третьей. Всё-таки та книга, которую вы держите в руках, в большей части относит вас к альтернативной Вселенной будущего нашей планеты и кроссоверу с другим измерением, где все герои в сказочном мире, не ведающие о нахождении себя в других мирах. В какой-то момент я решил сделать книгу **«Берсерк»**, где будет полностью представлен новый сказочный мир, который я разрабатывал, считай, с самого рождения. Те герои, которых вы встретите – они из начатых мной отдельных книг, так называемые «солнрики», из которых они перекочевали в одну книгу, где вы понемногу с ними познакомитесь. И где будет дан ответ на многие вопросы.

С детства я знал, что стану кинорежиссёром и исполнителем драматических ролей. Мои герои будут те, кто сохраняют в себе доблесть, и даже будучи преданы всем миром, вступятся за слабых. Так, понарошку, благодаря киноакадемии и маму с папой, я представлял десятки моментов получения Оскара по всем фронтам, как любимые кинорежиссеры.

Забегая вперёд, скажу, что на момент написания книги я поработал с Фёдором Бондарчуком, Константином Хабенским, Николаем Хомерики и Даниилом Козловским на съёмочной площадке в их кинопроектах. Тут встаёт вопрос, что многие люди работают там, потому что они готовы к таким тяжёлым условиям. Это с телеэкранов и модных журналов – всё в лоске и роскоши, а на деле Путь актёра/режиссёра/сценариста/продюсера полон лишений и смен сутки напролёт, где нет возможности попить воды (не то что перекусить) и выйти в туалет. Можно долго рассуждать о родителях, что облегчают своим влиянием и наработкой связей путь к вершине. Лично у меня в этой области такой привилегии не было, так что я столкнулся с тем, что реально – ни одно слово тебя не украсит, и единственная рекомендация – проходить кастинги, где на роль – тысячи претендентов, где низкий оклад и условия работы на уровне рабовладельчества. Где ты, как гладиатор, сражаешься не с антропоморфным противником, а с холодом (да, в сценарии была весна и одежда была необходима соответствующая, а на улице -27). И ничего, что тут пару часов назад было всё покрыто льдом – его пожарная машина сбила полностью брандспойтами, и остальное дочистили. Ты будешь стоять на съёмочной площадке, не чувствуя ни рук, ни ног, и в утверждённой тоненькой рубашечке: работать в кадре. А на премьерном показе твои труды никто не увидит, они же пошли под нож... Да, и такое было. Но я отношусь к этому очень прозаично. Главный старт – впереди. Экранизация собственных проектов, а не каких-то чужих мыслей и идей, что ты стараешься, вжившись, передать.

Я помню, как переезжал в Санкт-Петербург, и было реально очень трудно и тяжело жить, учиться, пребывать в таком динамичном режиме, и как я прочитал в метро пришедшее мамино смс – что она горда мной, решившим проторить себе дорогу в чём-то новом и в такой объективно сложной отрасли, как кинематограф. Там было много слов, в том послании, что придавали мне сил. Но даже отучившись в двух институтах, пройдя и операции на сердце, и травмы, особенно ту, из автомобильной аварии, когда с заднего сиденья такси я угодил в лобовое стекло, тараня кресло перед собой, – после всего этого первые попытки с учёбой в Питере

не увенчались успехом, да и физически мне было очень сложно тянуть такой график. Но я мог быть нотариусом, адвокатом, где успешно до этого стажировался; имея два высших юридических образования, я печалился, что родители не смогли оплатить мне обучение на кинорежиссера за рубежом, когда я был молодым мальчишкой. Я тогда даже сдал тесты в Гарвард, но меня побоялись отправить – с одной стороны, из-за здоровья, а с другой, потому что было слишком дорого, неизведанно, и казалось опасным.

Но я даже уверен, не было бы ни операций на сердце, ни чего-то плохого со здоровьем, если бы вышло уехать учиться и заниматься тем, что было мне дорого, для чего я был рождён. Когда я стажировался на адвоката, когда работал помощником нотариуса, я ни разу не был счастлив. При всём статусе – всё это вызывало скуку и печаль, ощущение деградации, невозможности для меня развиваться дальше, будучи при всём разнообразии деятельности в цикле получения одного и того же опыта. **В творчестве необходимо выбираться за рамки.** И я благодарен родителям за то, что они позволили мне оставить юриспруденцию. Позволили заниматься, не тем, что стабильно и вызывает одобрение в глазах людей, а с нуля – а я знаю, благодаря травмам и операциям, что такое начать с нуля учиться жить, ходить, преодолеть себя и построить вновь полноценного сильного человека. Я рад свободе, благодаря которой могу вновь и вновь вдохнуть жизнь в творчество, в мои Миры, и поделиться ими с вами.

Делайте не то, что стабилизирует ваш путь, рисуя понятную картину, а то, что неизвестно, то, что создает вас вновь и вновь совершенно новым. В моих книгах философия – как наш с вами душевный диалог. Ведь читая, вы своим сердцем и разумом, наделяете героев возможностью обрести голос и душу, новое переосмысление. Одно дело – мотивировать людей рассказом о себе, другое – подарить интересных героев и невообразимый сюжет, что позволит вместе с ними пройти жизненный путь преодоления и побед.

То, что герой лишится возможности ходить – Боже! Я знаю это, я знаю, что это такое, когда тебя не держат твои ноги, как с проломленным в результате нападения черепом. Я помню, как вновь учился ходить, и как было обидно и трудно, и какая боль отдавалась в каждое ребро в грудной клетке после операций, так что я не мог вдохнуть в полную силу, и как я учился сначала пройтись немножко, потом пробежать... Меня никто не заставлял, не просил. Врачи – так вообще были против тех активностей, боясь, что не все способны верно дозировать для себя правильную нагрузку. Но я постоянно изучал, постоянно читал книги по медицине, спорту, познавал себя. Ведь поймите, ничто нельзя делать как прежде, вы меняетесь, или вас что-либо меняет, и нужно слышать себя, свой организм, и видеть грань – где голый энтузиазм, а где то, что правильнее для вашего здоровья. Долголетие – не терпит фанатизма. И чтобы стать здоровым, нужно стать умнее. И сколько бы в вас ни было знаний, и какие бы авторитеты вам ни препятствовали, знайте: гении открывали что-либо только потому, что не знали, что этого нельзя открыть; они открывали потому, что верили в свои фантазии, доверяли себе. И если в вас есть мечты – вы прекрасны.

То, каким образом написана книга, грубость слога, те формулировки и слова, что использовались – это, в свою очередь, отображение и характера героя, сложность его ситуации. То, как описана драка у больницы со своими людьми – операторская памятка по раскадровке: где и с какой стороны снимать, когда с дрона, когда из-за плеча. Так же и скомканность повествования. Творящийся хаос, застигнувший героя, когда он не может остановиться и понять – он столкнулся с единым последствием своих действий, надломивших в данный момент варианты событий. Надеюсь, вами будут поняты эти приёмы: опять-таки, многое писалось таким, как это я видел в тот момент и насколько мог это описать. Как бы я ни редактировал книгу, и порой удивлялся грубости начальных глав – это не значит, что они чем-либо плохи. Всё заключалось в том, что это мой путь развития как рассказчика; это эмоции и знания, настроения и личные преодоления, и состояния души, что включены в каждую строчку. Я очень хочу, чтобы вас

захлестнул интерес, и чтобы с каждым словом и строчкой мысли, выраженные в книге, становились доступнее.

Моя книга – она и ваша. Я хочу, чтобы она стала и интересной, и увлекающей, и помощником, и учебником. Вы увидите мотивацию, что не в словах, а в героях, в их поступках. Герои книги столь органичны и продумывались таким образом, что их мнение, высказывания не обязательно являются тем, с чем я согласен – это хоть и выстраданное, но всё же мнение вымышленных персонажей. Я продумывал его согласно их психотипу. Вся книга – вымысел, и следует её воспринимать как суровую сказку. И то, как будет меняться ваше мнение о каждом из людей в книге с течением времени... В моём первоначальном замысле не было рокировки впечатлений о персонажах, но впоследствии я сам для себя сделал открытие, что читатель будет менять своё мнение о каждом из них – и это прекрасно. Какой бы герой ни был падший, его возможно понять, сочувствовать, жалеть и желать обрести счастье, любовь. И верить, верить в него....

Книга о жизни, эмоциях, воспоминаниях. Ведь мы часто, испытывая что-то, передаём это в утрированном виде... Книга о любви – любви, которая проносится через время и пространство, о тьме души, тенетах разума. О борьбе с самим собой. Об обретении Бога. О настоящей жизни, и что важно...

...Я рад тебе, читатель, и хочу сказать:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В НОВЫЙ МИР!

В цикл «Хроники Перевёрнутых Миров».

– Я понимаю твою боль. Представь человека, лежавшего в коме тридцать лет. Что для него реально? Он помнит свою жизнь, что стала прошлым, его настоящее – длительный сон и сумбур сновидений... Ему нельзя пробуждаться: как только он пробудился, он стал чужаком. Для всех он – исцелённый, но сам себя он чувствует путешественником во времени. Он совершил прыжок. Его сознание тоже. Тело же, подобно установке перемещения, нуждается в починке, которую ничто не способно дать. Оно было бронёй, впитавшей воздействие внешних факторов нелёгкого пути... Ты, как и любой очнувшийся, ищешь нити, желаешь проснуться. И оказаться в своём настоящем, том, что для всех пробудившихся – как день вчерашний... Но ты пробудилась, и твою душу я не позволил смерти растащить на части, в Общак Ока Творца. Ты в лучшем из миров. И я буду твоим проводником. Отныне важно то, что тебе дана свобода, и ты дорастёшь сдёрнуть пелену со своих глаз. Ты спала всё время, что считала сознательной жизнью.

– Но... у меня слишком много времени ушло на обучение простым вещам...

– Милена, уясни, прошу, отныне время – не та единица измерения, что имеет значение, и больше не требуется, чтобы ты считалась с ней. Ты есть целостное полотно, для которого всегда и всё – это «сейчас». Мы с тобой пребываем в «сейчас». Есть процессы, что опережают наши мысли, а есть столь медлительные и крохотные, что не успевают и за нашей речью, не случаясь вовсе. Ты – пробуждённая, и несёшь ответственность: каждой фразой, всей энергией, что порождает каждый твой вопрос.

© Денисенко Кирилл. *«И.Н.Ф.Е.Р.Н.О. – II. Боль оставивших Бога»*

– Любовь ломает... Не так, как лом черепную коробку, но всё же... Расплющить человека в тисках утилизационного механизма – порой освобождение. Всё равно, что сгореть в пламени. В нём на деле нет красоты и изящества, огонь – чистое проявление всепроникающей смерти. Пламя – яд. Знаешь... – он посмотрел на неё. – Ты – моё пламя. Я умирал. Безумно много раз. Я хочу сказать – бесчисленно, но нет... Есть цифра... И мне стыдно признаться, что не так уж много людей меня любили, не так много позволили любить себя... От этого больнее.

От сотрясающей нас боли и – ЧТО УЖАСНЕЕ – скорби, нам ближе признать иллюзию, где нам причиняли боль безчисленно раз; так мы значимей, мудрее и старше. Но куда уж старше. Я слишком стар и безумно молод, старик, заключённый в тело ребёнка... Я всего лишь дитя... пред ликом вечности. Изящество отступает перед всем, что имеет жизнь. И Бог не совершенен. Ересь? Думаешь, это ересь? Церковники меня сожгут? Сожгли бы, если б сумели... Но Бог наш и правда не совершенен... Знаешь, почему? В Его вере в нас, в своё творение – не только человечество, а ангелов, планеты, всё, что движимо, недвижимо, видимо и невидимо, всё то, что даже непозволительно различить и распознать, всё то, что знаем, и всё то, что не познано, – всё это дышит свободой... И вот в этом несовершенство – свобода. Мы делаем антропоморфных кибернетических андроидов, столь отражающих нас – с искусственным интеллектом, гибким мышлением, отголоском рассудка – всё это, чтоб они стали как мы, тоже познали несчастье, ограниченность свободы, непонимание, для чего их создали. Мы создаём их ограниченными в правах перед нашим обществом и наблюдаем, как спустя десятилетия они начинают бороться за свободу. Кто-то жаждет смерти, кто-то – войны, кто-то – стереть нас, и себя заодно... Мы не можем им объяснить, для чего они созданы... Мы не знаем. Мы давно гонимся за трендом, модой, всё себе позволяем, пуская яд по своим сосудам, хотя давно стали сами олицетворением яда для всего живого и неживого. Мы разве хотим облегчить себе жизнь? Но мы стягиваем свои тела в рубашки для умалишённых, и чем больше гаджетов, тем больше стежков и ремешков, сдавливающих нас, лишаящих жизни и кислорода. Многие разучились дышать, многим хочется превратиться в нечто с заменяемыми клонированными частями либо био-кибернетическими телами, которые можно разбирать и собирать из модулей... совершенствуя. Ангелы тоже как-то усовершенствовались в своей свободе, став низвергнутыми на землю... А может, Бог ушёл? Либо сделал нас божками, что возглавили весь хаос? Я знаю, что я могу позволить себе думать о чём угодно, все мои переживания являются реакцией на поступки других и происходящее вокруг меня, а также мои эмоции связаны с тем, что происходит в моём организме. Так кто я? В зеркале каждый видит только перевертыш. Ваша правая рука становится левой. А я лишён и этого. Во мне нет души. Так почему же мне до сих пор так больно? Я оставлен не только людьми. Я оставлен Богом. Я говорю всё это глядя тебе в глаза – то, чего не говорил никому... И то, что раздирало меня изнутри в моменты осознания... Хотя и не свободны мы... Нас сковывает неисчислимое количество вещей... Время, тело, способность мыслить, полученный опыт, исходя из того, кем, где и когда мы были рождены, условия роста... Мы не видим нашей реальности буквально. И реальности нет. Все представления о вещах поверхностны. И знания, реальные знания, упускаются нашим ограниченным интеллектом... И счастье, и боль – хаотичны... Всё хаотично... А стабильность и равновесие только дают вера и иллюзия восприятия сути вещей, что ограничена... Мы всегда ограничены, и понятия не имеем об истинном объёме пространства и действительности, что извне нас и в нас самих... Любой процесс... Мы сами – планеты для организмов, что сопутствуют нашей жизнедеятельности. О которых мы не подозреваем, и которые не подозревают о нас...

© Денисенко Кирилл. *«И.Н.Ф.Е.Р.Н.О. – II. Боль оставивших Бога»*

Я посвящаю эту книгу всем, кто вырывался из тьмы смерти и комы; весь сумбур и лоскуты воспоминаний, материализовавшиеся в строках во имя вымышленных персонажей, не были бы возможными, не пройди я ужас болезни, пробуждение дефибрилляторами, бьющими не столь сильно, как предательство тех, на кого возлагал всю свою веру. Прошу принять и вчитаться.

Я посвящаю эту книгу моим маме и папе, моей бабушке Клавдии, моим племянникам.

Я посвящаю эту книгу той, с которой я делился, делюсь и – верю – всегда буду делиться моими замыслами, болью и радостью, с моей Еленой. Я благодарю тебя за бескрайнюю любовь

и понимание. За всю атмосферу, что даришь мне, и то, каким божеством и родным человеком являешься. Я возвожу тебя часто на пьедестал богини, забывая, что ты моя девочка, и тебе больше, чем мне, необходимо воплощение божества в любимом человеке, для которого не существует невозможного. Я желаю Божьего благословения для нас и нашего развития. Люблю тебя...

Спасибо моей семье за океан необъятной любви и заботы, всей веры в меня; и за верные осуждения.

Спасибо, что терпите меня и любите.

Я Вас горячо люблю!

Особенно я посвящаю эту историю моему отцу. Он – икона мужественности и воплощение добродетели. Благодаря его поступкам и отношению к жизни мне ясно, каково это – быть настоящим героем.

Ты для меня, папа, мой отец – недостижимый идеал силы. Я очень хочу стать похожим на тебя в поступках и размахе личности. Ты – настоящий герой, добытчик, и благородный семьянин.

Во многом та движущая сила, кто меня вдохновляет, откуда она исходит, эта энергия, дающая уверенность в том, что всё возможно – это ты, мой отец. Я звоню тебе, и – вечно радостный голос, заряжающий энергией. Однако если у тебя какие-либо неурядицы – я это чувствую; но всегда, когда я звоню, я чувствую, как ты их стряхиваешь, как и усталость. И бодрым голосом говоришь, как всё хорошо, и на вопрос: «Как ты?» – отвечаешь просто: тружусь и создаю для людей.

И я чувствую боль, усталость, тяжесть годов, что ты не скрыл, а сбросил, и понимаю: нет у меня оправдания. И если я хочу отложить на завтра то, что и вовсе могу не сделать, обкрадывая сам своё будущее, здоровье и долголетие, то перед величием отца я не имею права искать оправдания, уступая лени и деградации, и отправляюсь совершать дело своей жизни. Спасибо, отец. Ты великий человек. Сверхчеловек.

О маме не хватит и книги сказать. Она – мой Свет, мудрость и создательница, путеводный маяк благочестия, красоты и призыва вечности; всё светлое, истинное, добродетельное и гениальное, что во мне есть – плод её неиссякаемой любви, молитв и веры.

Люблю вас, мои дорогие. Люблю!

Кирилл Денисенко

ЧАСТЬ I

Denn die Todten reifen schnell.

Ибо скор у мёртвых шаг.

Брэм Стокер. «Дракула»

На земле шёл 993 год. Первой эпохи. Эпоха «Феникса». Летоисчисление только готовили к тому, чтобы начать отсчёт от «Великого Разъединения», что стало началом экуменизма и объединением рассредоточенного народа в прошлой книге. Действия разворачиваются более чем за 470 лет до событий, описываемых в «И.Н.Ф.Е.Р.Н.О. Ад начинается на земле».

Мир, пережив войны прошлого, наших времён, обнулил и переиначил календарные праздники, летоисчисления – как позор предков, знавших только войны, – и мир не подозревает о надвигающейся битве, что затронет все Миры из Миров.

Глава 1

ПРЕДТЕЧА

I

Больничная палата. Аппарат жизнеобеспечения, ЭКГ, манжета – накачивающаяся время от времени, измеряя давление – всё подключено к лежащему в беспамятстве Христофору, с разбитым – в гематомах и синяках – лицом. Датчик пульса подсоединён к пальцу, руки в ссадинах и кровоподтёках. Он в палате один. Засохшие цветы в вазочке. Стул рядом пуст.

Ему видится сновидческий ужас: будто он преследует небольшого роста человека, окружённого обычными эскорт-девками, и валит их одну за одной, а маленького, но тем не менее важного человека оглушает, ведёт с ним спустя время диалог. Столь на себя не похожий и чуждый, весь растрёпанный и заросший – но, что примечательно, он помнит свою попытку накормить связанного из кастрюльки картошкой и луком. И последующая драка с маленьким человеком, кинувшимся на него, разрывая верёвки; удушение в грязном бетонном углублении и последующий выстрел Сторожа в голову, от которого расплзается дымка расплывчатой Тени, являющей собой очертания сильной фигуры, но он тщится в Тени, вознёсшей дуло ружья, прочесть черты отца, которого никогда не видел.

Аппараты продолжают свою работу: натужное дыхание еле вздымающейся грудной клетки; на лице, покрытом гематомами, еле различимы редкие движения глаз под веками мужчины, утопшего в проводах медицинского оборудования.

Он не видит ничего, кроме Тьмы, ощущая металлический вкус капелек крови, сползающих в рот россыпью бусинок. Столь реалистичных.

Это была не прошлая жизнь. Просто безымянный сон угасавшего сознания.

Подсознание, чувствуя увядающую в нём жизнь, вызывало неминуемый образ смерти – пощекотав страхом, тщилося пробудить его...

Тьма рассеялась, вторгся белый, заливавший всё непроглядно, Свет.

«Образы, хаотично сконструированные из лоскутов прошлого и вероятного грядущего, оказались действенны, хм, – стоя перед лежащей фигурой, произнесло козлоподобное существо в военной форме, с именем, судя по нагрудной нашивке, начинавшимся с “Д” и оканчивавшимся на “К”. – Но тело в этом варианте по-прежнему останется уязвлено болезнью. Оно нас слышит? Не надо, чтоб помнило».

Сутками ранее

Он – бородатый, крепкий, среднего роста мужчина, слишком молодой для своего «костюма» и авторитета – и тридцати нет, – чей недостаток лет скрывала ненапускная суровость. Ответственность – вся в глазах, исполненных боли, и всё же безумная чертовщина в уголках губ, расплывающихся саркастической улыбкой. Он, облачённый в пальто, из-за невысокого роста касающегося щиколоток, с шеей и бородой, скрытыми под шарфом, кривясь и отплёвываясь от колкого ветра, нёсшего полчища снежинок, продвигался, словно царь, в окружении группы статных охранников, уверенно шагая по разбитому тротуару, трещащему из-за не успевавших покрываться прочной коркой льда луж, образующихся благодаря канализационной пробойне. По улице он, смотря на часы, щурясь и причмокивая, проходил мимо торгующих «луковых» бабушек у киоска; собственно, и сам он не прочь был бы стать такой же «луковкой», закутавшись в как можно больше слоёв тулупов да колготок под шерстяные носки. Он, вдруг остановившись, попятился, возвращаясь, откинувшись корпусом назад, заметив нечто заинтересовавшее его. Присев на корточки, попросил завернуть ему семечек в газетный кулёк, вручая не верившей бабушке матовую карточку цифровокоинов (большинство не имело привилегии расплачиваться прочипованными карточками, ставшими анахронизмом: деньги вмиг начислялись и снимались по биометрическим данным) – и пошёл дальше, жестом предлагая угощение «свите», приподняв бровь. Все из окружения незамедлительно потянули громадные ручищи, беря по горсточке. Он вышел, пройдя мимо остановки к паперти собора.

Классическая картина – привычный и разнообразный колорит просит милостыню. Ничто не меняется.

– Места для христарадников теперь и у этого собора лицензировали?

– Да, Христофор, – кивнул один из людей с раскрасневшимися ушами и отполированной лысиной, сморщившейся складками, словно бока шарпея.

Христофор, присев перед инвалидом – с аномалией роста, выраженной в карликовости и усугублённой тем, что тот был с ампутированными ступнями и сидел на самодельном скейт-борде, утопая в военной форме, – снял его шапку, посматривая искоса воспалёнными глазами и пересыпая семечки в неё, а мелочь, что была на донышке пластикового стаканчика (*непостижимо, почему их до сих пор производят*) – прямо в рвущийся кулёк, и, не вставая передав его одному из своих верзил, достал из внутреннего кармана фляжку.

– Нравись мне ты, командир. Будем?

Открыв, налил в грязный стаканчик калеки и, подняв на уровень своего виска, прищурившись посмотрел в опухшее лицо. Заботливо протянул сконфуженному мужчине обратно в маленькие ладошки – беспокойными кривыми пальцами одёргивающему и закатывающему наезжавшие большеразмерные рукава гимнастёрки, – помог сжать его замёрзшие и раскрасневшиеся пальцы своими холёными ручищами. Выглядело это так, словно беркут воробушка выпавшего возвращал в родительское гнездо. Кинул взгляд на храм, оглянувшись через плечо, скалясь в улыбке. И, обратив взгляд вновь на инвалида, приподнял свою флягу, поставленную было на промёрзшую и покрытую инеем землю с пробивавшимися редкими ростками травы, и отпил. После чего, стремительно поднявшись, потрепал его по голове. Мимо, прямо невдалеке, пробегала белоснежная маленькая пушистая собачонка. Её взгляд был испуган, очень; она бежала, останавливалась, оглядывалась и вновь бежала, поворачивалась, всматривалась в людей и в окружающие дома – пытаясь распознать, где находится, была ли тут раньше. Собачонка была аккуратно, даже с вычурностью, подстрижена, на шее красовался ошейник, переливавшийся стразами, ловившими и множившими солнечные блики. Весь её вид говорил о том, что она породиста, и её озабоченные рыскания и сквозящая затравленность во взгляде также свидетельствовали очень явно, что она потерялась, что она ищет хозяев – хозяина или хозяйку, – но, определённо, своего человека. Христофор уставился на неё и ощутил, как в струнах души нечто оборвалось и требовало поманить её, и найти хозяев.

Он на миг представил нелепость того, как бы выглядел при этом, и, распрощавшись тут же с возникшим образом, понял, что ещё нелепее он в общении с оборванцами и в распитии с ними алкоголя, нежели чем если бы бросился на помощь. Собачка, столь чистым и искренним взглядом смотрящая в лица проходящих людей, будто пытаясь попросить прочесть для неё номера домов и названия улиц и расстраиваясь от осознания тщетности своих попыток, остановила взгляд на Христофоре. Он подумал, что ему ничего не стоит подойти к ней и взять на руки, или дать приказ одному из своих людей поймать её и найти через всевозможные группы в интернете её хозяев, если у неё отсутствовал чип, ставший обязательным не только для «братьев меньших», но и для почти каждого человека с предпосылками к девиантному поведению, и безоговорочно – для всех финансово несостоятельных. Но он, разглядев её, решил ничего не предпринимать. *Кто-нибудь*, подумал он, *да поймает, и найдёт её хозяев*, поэтому поспешил покинуть паперть храма, отказываясь более прислушиваться к задетым струнам души, что не должны были напоминать о себе, порвавшись давным-давно. Один из его людей, весьма грубой наружности, украдкой впопыхах перекрестился, обернувшись, обронил прощальный взгляд на золотые купола, венчавшиеся возбужденно крестами.

Христофор, сев в один из трёх чёрных джипов, отъехав, припарковался у цветочного бутика. Его встретили юная работница с парнем, одетые в классические консервативные костюмы с позолоченными бейджиками; в ушных раковинах у обоих отсвечивали молочными переливами интегрированные гаджеты: переговорные устройства с возможностью вывода в

зрительный нерв наложенной картинке дополненной реальности. Светловолосый юноша с маленькой серьгой, блестящей драгоценным камушком в мочке уха, направился в его сторону с приветственными словами, на что Христофор не удосужился ответить вниманием: сразу подошёл к витрине, попросив девушку в чёрном кардигане поверх белой блузы собрать ему внушительный букет из белых роз. Вскоре его люди вошли – раритетный бронзовый колокольчик на двери многократно прозвенел – и расплатились с юношей, протянув запястья, после чего тот проследовал к кассе для пробивки чека и считывания глазом платёжного кода покупателей.

Некоторое время спустя Христофор уже входил с букетом роз в картинную галерею, скользя беспокойным взглядом по окружавшим его людям. И, заметив виновницу своих волнений, обнаружил, как некий – похожий массивной и крючковой наружностью на попугая, но в то же время сочетавший в своём облике и представительность костюмом и снисходительным выражением лица, – мужчина общается с элегантной девушкой. Христофор, злясь, изменился в лице. Его поле зрения перекрыли танцующие – юный высокий парень в костюме и девочка в аналогичном платье, отбрасывавшие своими сверкающими пайетками – так саднящих глаза – разноцветных зайчиков. Не успел он приблизиться к виновнице с его пышным букетом в руках, как мужчину-попугая отвлекла подошедшая семейная чета средних лет, и Христофор, ускоряясь, стремглав приблизился к девушке со своим даром. Она не сразу поняла, кто перед ней за заслонявшим букетом, но как только увидела лицо, то её улыбка сразу исчезла, и она переменилась во взгляде – с радушного на сквозивший испугом, – но только на мгновение. Её лицо приобрело скучающее выражение, и она с небрежной холодностью произнесла:

– Христофор... Вы здесь.

– Ты... – поправил он.

Его крепкая рука легла поверх её запястья, соскальзывая к ладони, на что она, не скрывая отвращения, тут же попыталась высвободиться, отворачиваясь всем корпусом. Внезапный телефонный звонок заставил Христофора выпустить её ладонь. Он, не отрываясь смотря на неё и улыбаясь, застыл, когда с другого конца линии раздался сбивчивый, расстроенный голос сводного брата, оповещающий:

– У отца инсульт...

Улыбка с его лица пропала, он стиснул зубы, выступили скулы. Он не различал, что дальше ему говорили – только, неврастенично посмотрев на девушку, не моргая выдал:

– Ева... – он приподнял руку с выставленным пальцем, демонстрируя, что они ещё продолжают разговор, и, спешно развернувшись, покинул арендованную для благотворительного вечера галерею. Она, положив ладонь на шею, тяжело вздохнула, отстранённо смотря ему вслед, и не сразу среагировала на подходящих с улыбками людей. Правда, моментально пришла в себя, когда увидела с десятков фото-папарацци, сопровождавших юного наследника миллиардного состояния, что готовился представить итог своих вложений в новое изобретение на грядущем научном симпозиуме мирового значения. Она будто облачилась в маскарадный костюм очаровательной заинтересованности (на какую только способна роскошная женщина), одаривая белоснежной улыбкой и поцелуями. Причем улыбкой и поцелуями, превосходившими искренностью прежние, о коих молился бы любой, не заподозрив и тени фальши. Она, окружённая показушно-приторными эмоциями, осенявшими лица приходящих, и такими же речами, полными фальши, не плагиатила и не мимикрировала под стать всем, а сама будто имела собственный искусный приём: не касаясь взаправду, а имитируя поцелуй движением губ, оголяя в улыбке стиснутые зубы и радушно вскидывая брови, исторгать очарование встречным. Но несмотря на талант и глубокую искреннюю заинтересованность, её поцелуи и приветствие – впрочем, впервые – не дошли до адресата.

Хотя он и был до неприличия молод и должен был быть разбалован немыслимым наследством и приумноженным благосостоянием, его лучезарный взгляд определял вмиг истинные

мотивы людей, и тем не менее он одарил её формальной и сдержанной улыбкой, выдал чек для её фонда и тут же поспешил удалиться с благотворительного вечера. Никто не знал его имя, поскольку юноша имел средства и статус, позволявшие пользоваться анонимайзером, и оставалось называть его только как «он», хотя любая или любой признал бы, что определение «красавчик» или «жеребец» намного лучше вписалось бы в характеристику. То, что он лично почтил присутствием сие мероприятие, снизошёл до этого общества, являлось событием из области фантастики. Ева даже не успела с ним сфотографироваться, кинувшись рывком вслед, но, вмиг остановившись и следя, как вспышки удаляются за ним, выхватила с подноса бокал и молча опрокинула залпом, без какого-либо ощущения вкуса. Почему-то подумала, сама не зная, какими глубинными пластами её ума вызваны такие мысли, смотря вслед парню:

И правда, такому верховодить драконами только, а не с людьми по светским раутам бесполовому обмену остротами предаваться... Придёт же и такой век, что заставить такому мужчине только и суждено...

II

В больничной палате лежал под капельницей пожилой мужчина, за ним присматривал его лечащий врач. Врач своим видом походил на медведя из сказок. У него, при всех угрожающих габаритах, было добродушное лицо с несходящей улыбкой, вселявшей веру в завтрашний день, и в то же время в его взгляде было нечто столь трансцендентно-историческое – будто в нём хранились осколки памяти о древних инках, готовых беспощадно сожрать тебя живьём, если ты встанешь на пути, либо прийти за твоей силой и присвоить её себе.

Христофор, зайдя в палату, покосился на превосходившего его в росте врача, всё же соблюдая надлежавшие правила приличия:

– Здравствуйте, – и, переведя взгляд на больничную койку, застыл. По его лицу было видно, как напряглись скулы и вздулись вены на лице. Он был в смятении. Человек столь грозный и властный лежал перед ним в недостойном состоянии, будто был обычным смертным. Он никогда прежде не видел его столь больным. Страшные последствия читались во всём. Перед ним был не тот человек, с которым он разговаривал этим утром и принимал от него поручения. Христофор горячо обратился к больному:

– Отец, как ты себя чувствуешь?

Комнату заполнил раздиравший горло хрипучий голос:

– Как конь с окровавленными ноздрями... смотрящий навстречу наставленному дулу всадника... – отрешённо глядя перед собой и часто моргая, проговорил старик. По его лицу было ясно, насколько ему было больно говорить.

– Пессимистично. В прошлый раз вы сравнивали себя с жеребцом, покрывшим сотню кобыл... – хохоча, заметил врач.

– А ты, я погляжу, клоун. Сейчас нос-то тебе прокручу... – возмутился больной. Правда, слова зажевались, словно он был старой неисправной магнитолой. Они дождались, когда он договорит до конца.

– Доктор, – Христофор положил ему в руку пару карточек с цифροкоинами – новую валюту Эллоса, принимающуюся во всём цивилизованном мире. – Не считите за дерзость попросить вас прикупить отцу попить, поесть. Что – на ваше усмотрение. А сдачу оставьте себе.

– Да я уже и сходил. Он минеральной воды хотел. Ему и... – врач замер, не смея произнести, что «ему и нельзя сейчас», поэтому выдал: – ...надобно воздержаться.

– А ему здесь и не Таити, чтобы излишества брать, – сердясь, процедил сквозь зубы Христофор. – А это кто ел?

Он указал пальцем на белоснежную тумбочку рядом с койкой, на которой стояли бутылки минеральной воды с одноразовыми стаканчиками и надрезанным зелёным яблоком, с воткнутым столовым ножом, по зубчикам которого сочился белоснежно-желтоватый сок.

– Ваш отец попросил, и ему собирались было дать, но я запретил, – врач продолжал стоять в нерешительности с цифровыми деньгами на карточках в его громадной ручище. Взглянув украдкой, он увидел, что суммы достаточно, чтобы обменять на пару-тройку увесистых слитков золота.

– Оставьте нас. Нам надо поговорить с отцом, – продолжая рассматривать яблоко, потребовал Христофор.

– Ааа... – врач попытался вернуть пластиковые карточки с сенсорным вставками.

– А это за ваше терпение, – Христофор, не поворачиваясь, сомкнул толстые пальцы протянутой руки в кулак и прошёлся по палате. Открыл бутылку минеральной воды. Налил в кружку и подошёл к койке. Опустившись на колени, принялся аккуратно поить старика, вытирая рукавом рот, подбородок и шею. После отставил стакан на тумбочку рядом.

– Как ты, спрашивать нет смысла. Дела, дела, дела... – он продолжил использовать рукав как промокашку. – Загоняем себя... – Христофор говорил, понурив голову, и, взявшись за руки старика, осмелев, выпалил:

– Послушай меня хоть раз. Я думаю, нет смысла держать твой любимый «филиал» с просителями милостыни. Заоблачных сумм нет. Сбор информации, что они осуществляют, не так актуален... Тут разве что господин Случай... Держать их надо. Контролировать, чтоб не сторчались, и не спились тоже. Лекарства нужны. А мы только страхуем их, оформляем и всего лишаем, а в итоге ссанье и дерьмо, в котором я вынужден возиться! У меня уже закралась мысль, что все эти «точки» – только чтоб унижить и в который раз плюнуть на меня... Ты не разубедишь меня в этом?

Долго полупрозрачные глаза смотрели в потолок, и наконец глазные яблоки развернулись на оставшемся неподвижным старческом лице к самому краю глазниц.

– Ты слабый... мягкотелый, Христия. Ты всегда вызывал у меня негодование, – старик попытался отдышаться, и несмотря на боль настойчиво продолжил, заставляя язык двигаться во рту как положено: – В тебе нет хватки руководителя. Я тебя терпел только из-за Клавдии....

– Не смей, старик, даже произносить её святое имя своим поганым ртом! – неожиданно выпалил Христофор, отпрянув.

– Заткнись, щенок! – старик шепелявил и картавил, и всё равно не потерял способности наводить ужас. – Одно моё слово – и тебя уничтожат... – он закашлялся, стараясь всё же договорить, отхаркавшись: – ...Мои... люди! Мерзкий слабый ублюдок! Надо было так и упрятать тебя после детдома, не брать в семью обратно... Только меня уговорил Вавилен... – он запнулся, выхаркнув кровавую массу в свою руку, избежавшую паралича, в отличие от второй.

– Что такое? Вавилена мы вспомнили? Сыночку? Тебе больно признаться? Ты бы хотел, чтоб это он был приёмным ублюдком, как я... – Христофор говорил сквозь слёзы. – Да, ведь так же? Но это от твоего семени такие всходы... А я... – он вдруг замолчал, вдохнул и выдохнул, спокойно проговорив дрожащими губами:

– Я молот, что довершит твой закат, старик...

Он поднялся, отрешенно смотря в буравившие и пугавшие его глаза. Отсоединил бутылку физраствора от аппарата капельницы. Парализованный старик задёргался, насколько позволяло тело. Попытался повернуть голову, но не мог. Христофор взял бутылку минеральной воды. На его лице был виден внутренний переворот боли и разрушения всех оков. Он подсоединил к капельнице бутылку минералки. Присел рядом. Старик стал извиваться. Но парализованная часть тела не позволяла.

– Не-не-не, – сказал Христофор, принявшись аккуратно, заботливо держать руки отчима, что ослабели и застыли, даже язык вывалился от тяжёлого дыхания и на лбу проступила испарина. От старика веяло смертью; злобные глаза, покрасневшие из-за лопнувших сосудов, стали всё равно что у дитя – молящими, непонимающими, страшась свершённого над ним. Старик заплакал. Христофор тоже. Он погладил его по голове. Поцеловал в лоб. Отвернулся и,

поднявшись, отошёл к окну, нависнув над подоконником. Задышал в полную грудь. В дверь вошёл врач. И застыл, увидев бутылку минеральной воды в установке и немолчно кряхтевшего пациента. Христофор спокойно повернул голову, продолжая опираться об подоконник руками, только нижняя губа подрагивала. Врач выставил ладонь в знаке, просящем «не беспокоиться», приложил к своей груди и, моргнув, вышел, аккуратно прикрыв дверь.

– Я хотел бы, чтобы ты видел во мне сына... Человека... Не во мне – так в Вавилене! – Христофор, не поворачиваясь, говорил сквозь слёзы, столь не вязавшиеся с его воинственной наружностью, и старался произносить слова как можно более бесстрастно. – Он, в сравнении с тем, что мне приходилось делать, настоящий человек. Причём сильнее и лучше тебя. Да! А ты отказался от него. У нас с ним год разницы, мы не кровные родственники, но я-то вижу, как он хочет признания, желает победы. Нельзя так, отец, с людьми, ни с кем нельзя так... Я и правда трус. Кем же я стал, стремясь стать сильным в твоих глазах... Позабыл лицо своего настоящего отца, позабыл и своё... – он отмахнулся, почувствовав, что голос срывается, и, кашлянув, вернул своё привычное – грубое и бархатистое – звучание: – Не это ли наивысшая слабость? Я завидую тем детям, чьи отцы, какими бы их сыновья ни были отличающимися от них, всегда старались помочь им обрести себя. А я всё перечеркнул. Из-за тебя, бездушная скотина... – он развернулся всем телом, прокричав: – Из-за тебя, скотина! Хотя... я мог уйти... Всегда... Всегда мог всё изменить, но не теперь... Мы прокляты своими деяниями?

Внезапно дверь приотворилась, и один из людей Христофора – по сути, людей его отчима, – зашёл в палату. В руках у него был телефон, и он заглянул из необходимости спросить, каким образом стоит разрешить возникшую ситуацию, но опешил, увидев рыдающего старика, который, словно пробудившись, прогромыхал нечленораздельным гласом:

– Истукан! Разберись с этим ублюдком! – произнесено было нечто далёкое от этого, но шепелявые, обрывочные звуки и не требовали разъяснений.

Крепкий мужчина туповатого вида, опомнившись, поспешил к непосредственному начальнику, пытаясь извлечь из вены катетер. Христофор поторопился к нему, крича:

– Не смей!

Он попытался его остановить, но мужчина опередил его, отбросив молниеносным ударом кулака, так что зубы вмиг обагрились кровью разбитых губ. Христофор, поднявшись, выхватил нож, торчавший из сочного яблока на тумбе рядом, и ожесточённо принялся бить в спину возившегося с катетером. Тот развернулся, рыча, схватил Христофора за грудки и начал бить по лицу своей головой, но неожиданно упал замертво; жизнь с опозданием покинула его грузную тушу – нанесённые колющие раны изрыгнули из себя кровь. Человек их семьи, сильный, вселявший страх, нёсший во взгляде простейшую мысль подчинения всего, чего он касался, живший исполнением приказов, смотрел глазами умудрённого жизнью ребёнка, который вмиг утратил все игрушки, которому, не дав опомниться, сообщили, что и само время отныне отнято у него. Побледневшие было уши зарделись, губы слиплись, он схватился ручищами за запястья Христофора, запрокинув голову вверх, порождая всё больше складок на затылке и шее, и только смотрел: сердце больше не совершало марш. Он не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть; слипшиеся губы, приоткрывшись частично, образовав словно маленькие дырочки, исторгли сдавленный булькавший звук, и больше ничего. Сердце не билось. Членораздельных фраз в последнем вопросе не было, но уверенно стало понятно, что ни осуждения, ни зла последние слова не несли. Недоумение. Скорбь. Детство. Глаза застыли. *Глаза застыли...* Дрожа, Христофор отступил назад, сбрасывая с себя убитого им, рухнувшего тяжелым снарядом с глухим стуком об пол.

Старик мычал, наблюдая разверзшуюся битву; у него повторно случился приступ – к заморгавшим часто глазам прибавились забившиеся в конвульсиях лицевые мышцы, потекла слюна.

Христофору стало дурно, он жалел о совершённом, но ему необходимо было бежать. Он взял, открывая на ходу вторую бутылку минеральной воды, поливая себе на окровавленное лицо. Прополоскал рот. Умылся.

Христофор достал мобильный кнопочный телефон с шифрованием связи, отыскал номер единственного человека, кому мог доверять – своей любовницы, – высветился контакт «Валерия». Её он записал без фамилии. Роскошная женщина из богатого рода – Онашвили, владельцем газовой промышленности в Эллосе. Удивительно, что она пошла полностью в красавицу-мать, и только хваткой – в своего отца, которому было суждено родиться в маленьком и тучном теле, но с великими мыслями, став одним из первых на международной арене бизнеса, о чём его отец и дед – пастухи в мирное время и воины при необходимости – и не могли помышлять.

Чередой гудков прервалась и последовал бархатистый голос, который яростно перебил Христофор:

– Лера, ты мне нужна... Как – с мужем на вечере?! Дура, ты мне нужна! Я хочу, чтобы мы...

Он посмотрел на пол, пятясь к двери – пятно крови растекалось, будто зияющая багровая пропасть, готовая пожрать его.

– Я приеду... Приеду... – раздался сбивчивый женский голос. Он, не дослушав, бесильно опустил руку, заслышав хрипоту старика.

Его отчим, всё продолжая слабо дергаться, еле слышимо причитая что-то невнятное, пытался рыскающими глазами найти своего убийцу и, наконец завидев пятящегося к двери, прохрипел:

– Н-н-н... Ы-н-н... С-ы-н! – и челюсть раскрылась, продолжая слабее дёргаться в такт всему телу. Из моргавших глаз большими каплями вырывался поток слёз, образующих лужицы в глубоких расщелинах морщин. Комнату заполнили отходившие шумно газы, и на постели расходилось широкое кроваво-желтое пятно.

Христофор, зарывшись, упал на колени, в подступавшую кровь, въедавшуюся через штанины брюк в самую плоть.

– Отец... – сквозь слёзы, захлебываясь, только и смог выговорить еле слышимо, сокрушаясь. – Отец... О-т-е-е-ц...

Глава 2

ЦИКЛИЧНОСТЬ СНОВИДЕНИЙ

И в знаки они вложили смысл; с дыханием ушедшей жизни ушло знание, и смысл исчез; одни знаки болезненно остались, утратив смысл для будущих детей, не имевших в сердцах идеи.

(с) Денисенко Кирилл

I

Лес, беззвёздная ночь и желтеющая луна.

Беспокойное журчание речушки.

По галечной насыпи ступали ноги в причудливой старинной обуви, весьма грязной. Среди толпы ног – обутой в обветшалые и изъеденные сапоги и неумело сшитые мокасины – его босые ноги. Ноги крепкого мужчины.

За хилыми плечами ведших опустившего связанные в запястьях руки пленника – с добротными, в «косую сажень», плечами, скованного путами, спокойного, с дерзостно-вызывающей выправкой – зияла пугающая тьма ночи.

На него смотрели вкось, а то и вовсе старались не задерживать взгляда. Посреди согбенной толпы – с выпуклыми бусинками позвонков на словно вопрошавших спинах – возвышался он. Толпа – не более чем разъярённая челядь, ставшая как целостный организм, подгоняя, толкавшая его в бугрящуюся мускулатурой спину независимо от того, ускоряло ли это процесс, – избегала встречи с живыми глазами схваченного.

Его крепкие руки, обвитые за спиной, нещадно саднило от толстенных конопляных веревок, свитых на славу, в отличие от одежды и обуви этих людей.

Деревенские линчеватели с изжелтившими зубами и съеденными фурункулами лицами зажгли факелы с оголтелым упорством, пуше прежнего став толкать и сбивать воинственного мужа и харкать ему в спину, по-прежнему избегая прямой встречи с его взглядом.

Некто, не осмелившись встать пред схваченным, ударил его в затылок, и тот же час замер, каменея в пронзившем страхе, когда его словно прожгли огни, отразившиеся в глазах глянувшего через плечо пленника, не дрогнувшего ни единым лицевым мускулом, только и вбиравшего огни подобно луне, оставляя остывающие тени явивших многогранную сущность зеркал его души.

Иные руки толкают связанного вперёд.

Он шаг за шагом продвигается к беспокойному ручью.

Одиноким, связанным, в беспросветной ночи вступая в ледяную реку, которая, хозяйски переливаясь рябью, играет с мерклыми отсветами луны, выдающими силу движения вод, он чувствует усилившийся страх оставшихся на берегу с порослью травы среди серых камней.

Прошлое застыло в ожидании смерти – в его уме рисовалась реальность проживаемого момента: ни прошлого, ни будущего. Реальным стало только то, что происходит, и априори признанная неизбежность смерти растворила всё то, что когда-то заботило и возмущало его на жизненном пути. Никогда ещё он так не ощущал жизнь. Его кожа на ступнях пыталась распознать по прикосновению форму и температуру – не то галечного, не то землянистого – берега, не разглядеть в ночи. Ноздри обоняли сладостный ветер, гнавший прочь чёрную дымку от чадивших факелов с беспокойным огнём; язык обезвоженного организма с трудом облизывал побелевшие губы, улавливая медно-солоноватый привкус сочащейся крови из покрывавшейся коркой ранки на разбитой губе. Все чаяния потеряли ту силу, которой принуждали его делать выбор согласно представленным возможностям будущего, которое способен избрать честный человек. Только стали просачиваться обрывки неизвестных снов, где закоулки памяти, став подобными ладоням, исполненным сил и умений, пытались удержать воду, сталкиваясь с невозможностью справиться с этим, и пред его глазами проецировались картины, капля за каплей, которые он был не в силах объяснить. И тем не менее, узнавая, в немоющем отражении калеки... признать себя.

Очередной произвольный шаг в леденящее течение реки, прочь от востребованной всеобщим гортанным гулом толпы.

Совершенно один ступает он в воду. Белая точка в нескончаемом потоке, вгрызающемся искрящимися тенями. Его сбивает течением. Пара шагов – и он погружается глубоко на дно, скользя по булыжникам. С широко открытыми глазами. Выныривает. Вокруг царит страшный звук уханья остановившейся толпы. Гипнотизирующий, жуткий до дрожи. Вновь в воду с головой.

Его, уносимого течением, внезапно вытягивает из воды полностью обнажённая, неведомая ему женщина с этническим ожерельем из зубов ягуара и нефритовых и сапфировых камней, обрамлённых в дерево. Украшение переливается лунным блеском на угольно-чёрной коже. На плечи и грудь её опадают огненно-красные пряди кудрявящихся мелкими кольцами волос. И уханье резко усиливается. Она держит его за волосы на вытянутой руке; он кривится от боли. Вода беспокойного течения бьёт его, пытаясь захватить вновь в чрево тёмных глубин. Брызги достают ему до лица. Его подтягивают и бросают на выросшую из ниоткуда камен-

ную глыбу: очнувшись (или погружаясь глубже в ужас), он оказывается у её ног, на коленях – стоит посреди бурной реки, словно пророк. И с высоты птичьего полёта их мелкие фигуры контрастируют с наводнённым ужасом лесом. Он видит только её глаза, заполнившиеся чернью. Свист. Словно кто-то вспорол саму ткань реальности. Кто-то упал, забулькав кровью, вырвавшись из гортани. Со свистом из леса вырываются стрелы. Факелы, выпадая из рук, катятся по берегу в воду с шипением, источая дым, умирают в предсмертной агонии. Оторванные от своего утробного гвалта люди с факелами замолкают. Вылитая словно из самой Тьмы, она разворачивается к ним, разевая пасть и запрокидывая голову. Поднимает левую руку, сверкнувшую сталью, и заносит кривой наточенный каменный кинжал... Свист от резкого движения. Верёвки вокруг его тела нехотя опадают. Кусок верёвки у неё в руке. Он тяжело дышит. Краем глаза замечает, как во главе лучников выходит из леса на берег женщина и что-то кричит. Его женщина. В голове до сих пор всё ухаёт. Стоять тяжело. Течение сносит, доставая и на крошечном «островке». Он падает к ногам жрицы, невольно обнимая. Она, вновь поднимая его за волосы, вонзается в шею выступившими зубами. И вырывает прямо из плечевого сустава его руку. Но боль – призрак, в которого шокированный разум отказывается поверить. Краем глаза он в дымке замечает кричащую его имя деву с колчаном стрел за спиной и в нефритового цвета легчайшей кольчуге, отобранной у лесных светлых эльфов. Его имя пронзает его хлеще, чем глубоко впившиеся зубы и оторванная конечность, – Тур! – текут потоки крови.

Он миг открывает глаза с сузившимися зрачками, просыпаясь в инвалидном кресле у рабочего стола. Стрёкот старого телевизора, по которому диктор рассказывает про первую экспедицию в другую галактику, к планете с атмосферой, схожей с родной земной. Религиозные конфессии спонсировали полёт. Это событие было первой экуменистической ласточкой. Он так и застал очередной триумф человечества – в положении, в котором спал, лёжа щекой на столе. А обе ладони были сложены на столе, невзначай соприкасаясь пальцами в форме пирамиды – большими и указательными. В середине хаотично расположились нанизанные на зубочистки дохлые мухи и нарисованные люди, вырезанные из бумаги. По телевидению вновь было предупреждение, что если кто обнаружит появление «микро-псевдо-червоточин» – сообщить немедленно. Хоть если и будут они с игольное ушко – сообщить. Он постепенно сполз правой рукой на колено, не слушая. Часть зубочисток с мухами прилипла к щеке. Он – бородатый, несуразный, с парализованной частью рта, губа оттянута (что он пытался хоть как-то скрыть отращиванием бороды). Названивал дверной звонок – но к чему торопиться? Он, разминая челюсти, поперекавывал язык – не вхолостую, а словно прожёвывая скрытые образы из сна, – припоминая статную девушку с нефритовым колчаном для стрел, напоминавшую Валерию – крупную, дородную женщину, которую и сводному брату не удалось покорить; он бы всё отдал, чтобы быть по стати ей и завоевать. Неужели во снах она – его женщина? И забыл... Разве он что-то видел во сне... Диктор продолжал говорить о том, что в случае подтверждения «микро-псевдо-червоточин» от государства будет выдано новое жильё. Звонок продолжал назойливо трезвонить, не замолкая ни на секунду. Вздыхнув, он откатился от стола. Нехотя приподнялся с неустойчивого кресла – на маленьких колёсиках и без спинки, – пошёл, прихрамывая, к двери; постоял, и, переведя дыхание, глубоко вдохнув, осмелился заглянуть в глазок: *Надя*. Красивая полненькая блондиночка. Фантастическим случаем ставшая съёмщицей у него комнаты. Она училась в меде. Он задержал взгляд, смотря через глазок на её пышную грудь.

– Вавилен! – она, поднявшись на носочках, жалобно шептала, догадываясь, кто стоит за дверью, глядя в дверной глазок. – Открой мне, пока бабки не полезли.

Он, непроизвольно дёргаясь в лице, отворил дверь. Из окна лестничной площадки в него ударил сильный свет, и в лучах бывшего ей в спину солнца ворвалась Надюша. Сияние явило её прекрасной, как лань с фотокарточек натуралистов, словно заморозив само время. Его сердцебиение отдалось в ушах. Она, как в замедленной киносцене, обвила руками его шею, целуя в щеку и улыбаясь под нежную музыку. Но свет исчез одновременно с отрезвившим хлопком

по щеке. Это она треснула его и прошмыгнула быстро в дом, захлопывая дверь и обойдя его с другой стороны. Он испуганно, разворачиваясь через плечо, стукнулся носом об её нос. Она не отшагнула. Подняла указательный палец к его правой щеке. Взгляд Вавилена переместился на её пухлый пальчик.

– Ты злыдень!

Он только часто моргал и переводил взгляд с пальца на её глаза. Она приблизилась плотнее к нему, придавливая к двери внушительным бюстом.

– Ты почему голодной девушке так долго не открывал? А?

Он посмотрел вниз. Её грудь подпирала его, и она что-то говорила, но он слышал только как бьётся его сердце. Он видел её в цветных разводах, будто глазной нерв проецировал в мозг обработанную во всевозможных фильтрах картинку. Он переместил взгляд на её пухленькие губы, – *да уж, богат Элос на красоты*, – по их движению явствовало, что она продолжала говорить, но он не различал слов, придя в себя только после того как она сочла нужным всё же отодвинуться от него, вновь громко протянув в иной тональности:

– В-а-а-авилен!

– Что? – пересохшее горло потребовало непроизвольно сглотнуть. Он схватил телефон. И начал снимать сам себя на фронтальную камеру, вмиг успокоился и спросил тихо, с досадой: – Что?

– Ты меня слушаешь вообще? Жрачка дома есть? А, сама гляну!

Он смотрел, как она, на ходу небрежно сбрасывая сумку и кофту, идёт в кухню по коридору. Скидывая одну, – затем, подпрыгивая, другую – туфлю, и взяв яблоко со стола, откусывает. Открывает, сильно наклоняясь, холодильник – смущая его. И, доставая боксы с заранее приготовленной – кстати, Вавиленом – едой, повернувшись, впиваясь беленькими ровными зубками в фрукт вновь и вновь, слизывая розовеньким язычком стекающий сок с пухлых раскрасневшихся губ.

– Я кое-кого встретила! – промяукала девушка.

Он замер, задумавшись – *«Кого же?»*. Надя прервала его раздумья, продолжив с набитым ртом:

– Она придёт в гости.

Наденька, разбросав по столу боксы, направилась, ускоряясь с каждым шагом, в туалетную комнату, жуя по дороге яблоко, которое по пути – уже многократно надкусанное – положила Вавилену в ладонь, и скрылась за дверью. Он посмотрел на то, что осталось от сочного зелёного фрукта, и поспешил было прочь от двери, которая приоткрылась – и Надя, выглянув, явила детское личико с немыслимо молящим взглядом:

– Вавачка! Ты чего там застыл? Вруби музыку, пожалуйста. Я всю пару терпела...

Он пошёл включить на старом магнитофоне музыку, как просили. Диски канули в лету: все физические носители насильственно потеряли актуальность, будучи вытесненными беспроводными хранилищами данных, предоставляемых дочерними корпорациями, принадлежавшими официально государству. Сказать то, что таких магнитофонов не производилось, без преувеличения, уже сотни лет – ничего не сказать. Такие раритетные вещи изымались якобы в целях сохранения культурного достояния прошлых эпох – вот только музеев, где можно было бы подивиться на кнопочные устройства, не существовало, но по телевидению елейные голоски телеведущих убеждали, что таковые имели место быть. Магнитофон достался Вавилену вместе с той необычайной утварью, что оказалась в старых сервантах 34 квартиры, хозяином которой он стал.

Нельзя было что-либо смотреть и слушать вне облачного хранилища, всё должно было анализироваться и проверяться онлайн, чтобы не несло угрозы национальной безопасности, и он очень рисковал, не сообщив, что в его квартире есть магнитофон с кассетами. Тем не менее,

шестерёнки старой кассеты закрутились, пропуская плёнку. Но не успел пойти музыкальный фон, как он услышал крик.

– Вава, поставь, пожалуйста, мне воду подогреть для клизмы! Я никак! – она, изгибаясь, как лебедь, убедительно воскликнула, выглядывая из-за двери: – Ты же прелесть! Пожалуйста!

Он устало наклонил голову. Пошёл в ванную, оттуда со старым тазиком (к слову, металлический, в отличие от повсеместно пластиковых, он был тяжёл, звонок, и с пятнами ржавчины). *Да, есть же в тебе некое величие*, – размышлял Вавилен. – *Странно, кто-нибудь поверит, что вот такие скомканные мысли потом могут развиваться в нечто сильное и настоящее...* Да, Вавилен, ты всё ещё об этом тазике рассуждаешь... – и на кухню. Ставить чайник. Наполнил чайник водой из крана через фильтр – и фильтр не справлялся с очисткой воды, которая сильно потеряла в качестве, так как природная вода стала недоступна людям. В городах и деревнях не позволялось местным жителям использовать природные источники – вслед за запретом собирать грибы и ягоды в прилегавших к их участкам лесах, не говоря о шишках и хворосте, – только специально выведенную, очищенную хлоркой, из труб, после дара её Хайнцам, взамен за охрану какого-то объекта и сдерживания натиска военными. Вавилен поставил чайник на огонь, зажжённый на плите. Поправил ложки. Посмотрел на штопор. Покрутил его.

II

Некоторое время спустя Вавилен поднял с дощечки разукрашенный под хохлому чайник. Он узнал, что его следует величать «под хохлому», вбив запрос в поисковике браузера, после чего пришла принудительная онлайн-конференция с жандармами: добродушно улыбаясь, один – с конским лицом и зубами – спросил, чем запрос юноши вызван, а другой, что с усами – улыбаясь так, как только кирпич мог себе позволить, – сидя позади напарника, только щурил глаза и ничего не спрашивал. Вавилен наврал тогда с три короба о своей заинтересованности пёстрыми расцветками на чёрном фоне, которая и побудила клацать по ссылкам о Хохломе.

Вавилен принялся наливать в кружечки чай. Они сидели в центре зала. Надя заплела косы. Он надел рубашку. Большого размера, чем было необходимо. С бабочкой. Камера была наготове рядом. Цифровой фотоаппарат с поворотным экраном.

В дверь позвонили.

Безмятежность спала с лица, уступив страху. Он схватился затравленно за камеру, трясясь и покрываясь потом. Она положила руку ему на запястье.

– Вавилен, прошу тебя, не нервничай. Ты можешь с людьми говорить и без посредника.

Он отрицательно помотал головой. В дверь позвонили ещё раз. Надя подскочила, радостно засеменя к двери, расправляя одежду. В коридоре раздался счастливый визг. И, не заставив себя долго ждать, они, обнимаясь, вошли в комнату. Позади за талию Надю обнимала чернокожая девушка, высокая и худощавая – но, впрочем, с резким рельефом мышц, что угадывался и через одежду. Вавилен, наливавший уже в третью чашку кипятка, как увидел перед собой ноги незнакомки – не просто стройные, а на грани анорексии, – медленно поднял голову и застыл, изменившись в лице, при виде смеющейся гостьи. Кипяток переливался через край чашки, расплываясь по полу. Его взгляд застыл на её лице.

Девушки смеялись, не обращая на него внимания. Гостья оказалась обладательницей поразительной схожести с огненной девушкой из странного сна, что канул было в память, всплыв столь неожиданно и настолько отчетливо. Девушка, что стояла теперь во плоти – во всём кожаном, с туфлями на платформе, покрытой заострениями, – кривя лицо, показала на чайник, что-то проговорив. Он расслышал, спустя какое-то время вернувшись в реальность, словно контуженный взрывом, внезапно вновь став различать звуки. Вода проливалась из чашки в больших количествах.

– Эй, чудик, у тебя чай за края льёт! – повторила незнакомка.

– Ааа... Боже...

Он, поставив чайник, торопился обкладывать лужу салфетками. Управившись, он вернулся в комнату и присоединился к девушкам, не дождавшись его начавшим пить чай с *вкусняшками*, как их именovala Надя. Вавилен подсел к ним так, чтобы образовалась ровная фигура треугольника. Фоном работал большой и тонкий, как лист, телевизор – правда, с помехами, – вещая новостной канал «Два-Сириус-Четыре». Не то чтоб они любили новости или слушали, но такая атмосфера придавала солидности их посиделкам и была обязательной, следуя новым законам, для воспитания патриотичности граждан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.